O 9/315

О 9/315

ВОСПОМИНАНІЯ.

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ

1815 ГОДА.

А. Михайловскаго-Данилевскаго.

32-9-52

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Александра Смирдина.

1831.

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 1 Февраля 1831 года.

Цензоръ, О. Сенковскій.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
ПОВТОРНО
33562-50

2007043607

* БИБЛІОТЕКА *

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1815 году я имѣлъ счастіе находиться въ свитѣ Императора Александра Павловича на Вѣнскомъ Конгресѣ, въ походѣ во Францію и въ обратномъ путешествіи Его Величества чрезъ Брюссель, Швейцарію и Нѣмецкую землю въ Россію. Отрывки изъ журнала, веденнаго мною въ то время, были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а нынѣ, издавая ихъ въ совокупности, считаю нужнымъ предварить, что читатель не найдетъ въ нихъ той полноты разсказа о происшествіяхъ, какъ въ историческихъ Запискахъ, которыя во множествѣ печатаются въ чужихъ краяхъ. Я только предлагаю здѣсь нѣкоторыя мысли, возбужденныя во мнѣ предметами,

меня окружавшими, и начинаю со дня отъѣзда моего изъ Вѣны въ Главную квартиру арміи, которая тогда назначена была дѣйствовать противъ Франціи.

ГЛАВА I.

Отъѣздъ изъ Вѣны. — Прибытіе въ Мюнхенъ. — Баварскій Дворъ. — Пріѣздъ въ Стутгардъ. — Лудвигсбургъ. — Гейльбронъ. — Пріѣздъ въ Гейдельбергъ.

14го *Мая*. Вчера, въ прекраснѣйшій вечеръ, я отправился изъ Вѣны въ Мюнхенъ и Спутгардъ, а оттуда въ главную нашу квартиру, въ Гейльбронъ. Всю ночь я думалъ о томъ множествѣ разныхъ лицъ, которыя находилися на Конгресѣ, о добродѣтеляхъ и слабостяхъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, объ успѣхахъ просвѣщенія и о силѣ предразсудковъ, о великолѣпныхъ праздникахъ при Дворѣ и объ уединенныхъ прогулкахъ моихъ въ окрестностяхъ Вѣны, словомъ сказать, воображенію моему представлялись всѣ суеты шумнаго, безпримѣрнаго восьми-мѣсячнаго пребыванія нашего на Конгресѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимали

меня мечты о предстоявшемъ путешествіи и походѣ.

Первые лучи солнца застали меня недалеко отъ Мелька, и разсѣяли безпорядокъ моихъ мыслей; я любовался прелестями, щедро разсыпанными здѣсь рукою природы. Нѣсколько почтъ слѣдовали мы по берегу Дуная, имѣя въ лѣво цѣпь Спирійскихъ горъ, изъ-за которыхъ показывались снѣжныя высоты Тироля; на правой сторонѣ не прерывался рядъ богатѣйшихъ селеній, около которыхъ видны были старинные замки и пасущіяся стада. Окрестности Энца и Линца прекрасны; въ каждой деревнѣ и въ каждомъ городѣ множество народа ожидало прибывшія Государя.

14го Мая мы пріѣхали въ Нимфенбургъ, загородной дворецъ, верстъ шесть разстоянiемъ отъ Минхена, гдѣ Баварскій Король намѣренъ былъ принять Государя. Минхенъ расположенъ на неизмѣримой равнинѣ, усѣянной, такъ сказать, деревнями; дорога отъ него до Нимфенбурга покрыта была любопытными. Государь изволилъ насъ лично представить Королевской фамилiи. Король сказалъ мнѣ: »будьте у меня въ гостяхъ безъ всякихъ церемоній.« Нельзя не лю-

бовашься, видя Короля и супругу его въ кругу шести маленькихъ прекрасныхъ дочерей, которыхъ воспитаніемъ занимается онъ самъ. Преимущественно обращаетъ на себя вниманіе старшая дочь Короля, бывшая Вице-Королева Италійская, одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ нашего времени. Въ какомъ величіи видѣлъ я ее тому пять лѣтъ назадъ въ Миланѣ, въ цвѣтѣ лѣтъ, на престолѣ одного изъ богатѣйшихъ царствъ въ мірѣ! Король обращается съ придворными на дружеской ногѣ: искренность его и шутки заставляютъ забывать санъ его. Дворъ его состоитъ человѣкъ изъ двадцати пожилыхъ Каммергеровъ самыхъ старинныхъ фамилій; но я не нашелъ между ними людей, по заслугамъ своимъ принадлежащихъ Исторіи, каковыхъ пріятно встрѣчать на ступеняхъ престоловъ.

Любопытнѣйшій вельможа есть Графъ Монжеласъ, который управляетъ тремя Министерствами: Иностраннымъ, Финансовъ и Внутреннимъ, заключающимъ въ себѣ также Министерство Правосудія и Просвѣщенія. Я съ удовольствіемъ слушалъ умные и краснорѣчивые его разговоры, и смотрѣлъ на выра-

зительныя черты лица его. Можеласъ, какъ всѣ люди, занимающіе важныя мѣста, имѣетъ своихъ приверженцевъ и завистниковъ; но ему должно отдать справедливость, что внутреннее управленіе Баваріи приведено имъ въ большую исправность, и что въ отношеніи къ иностраннымъ Державамъ онъ поставилъ отечество свое на такую степень величія, на какой оно никогда прежде не бывало.

На другой день мы ѣздили въ Мюнхенъ, гдѣ городъ давалъ балъ Императору въ Театрѣ. Лишь только Его Величество прибылъ, какъ началась Русская пляска, продолжавшаяся около четверти часа; потомъ явились акторы, одѣтые въ платье различныхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи, и проходили мимо нашей ложи при громѣ музыки. Король предложилъ обойти по партеру, и едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли водопадъ, а подъ нимъ изображеніе Каменнаго Острова, который останется незабвеннымъ въ нашей Исторіи, какъ любимое мѣстопребываніе Государя Императора. Поздній потомокъ, приставая къ сему острову, съ умиленіемъ будетъ смотрѣть на жилище Монарха, котораго душа доступна была всякаго рода бла-

гимъ впечатлѣніямъ. Послѣ сего играли комическую Оперу; во время представленія Государь казался скучнымъ, а я вступалъ въ разговоры съ многими изъ придворныхъ. Въ Германіи наружность людей ничего не обѣщаетъ, но она обманчива; трудно познакомишься съ жителями сей благословенной страны, но чѣмъ болѣе ихъ узнаешь, тѣмъ труднѣе съ ними разстаться; связи дружбы, съ ними однажды заключенныя, пребываютъ неразрывны во всю жизнь.

Мая 17. Сего дня мы ожидали прибытія Австрійскаго Императора. Послѣ обѣда весь Дворъ вышелъ на балконъ, чтобы встрѣтить Его Величество. Я находился подлѣ Вице-Короля Италійскаго, на чертахъ лица котораго примѣтно уныніе, что при настоящихъ обстоятельствахъ иначе и быть не можетъ. Онъ началъ говорить со мною объ обыкновенныхъ предметахъ, но я старался склонить рѣчь на войну 1812 года. Чести нашей никто не отниметъ; Русскіе поставили ее на неизблемомъ основаніи; но не менѣе того пріятно мнѣ было слышать отъ ближайшаго родственника Наполеонова, и одного изъ искуснѣйшихъ Генераловъ, похвалы, воздаваемыя имъ

Князю Смоленскому и арміи нашей. »Вы »мнѣ позвольте сдѣлать замѣчаніе, ска»залъ онъ, что это первой ученый по»ходъ Русскихъ, и въ немъ показали вы »превосходство вашихъ офицеровъ и сол»датъ. Я раздѣлялъ, продолжалъ онъ, со »всею Французскою арміею увѣренность »въ успѣхѣ; но ваши воинскія распоря»женія заставили меня вамъ удивляться.« Прибытіе Императора Франца и Супруги его прервало нашъ разговоръ. Всѣ пошли ихъ встрѣчать, и проводили потомъ, по обыкновенію, до комнатъ, назначенныхъ для Ихъ Величествъ. Послѣ сего придворные начали расходиться, говоря другъ другу: »какой сего дня былъ »тягостный день! до вечера ничего не »будетъ, ужинъ назначенъ въ девять »часовъ.«

19го Мая я выѣхалъ изъ Нимфенбурга. Погода была прекрасная, воздухъ благорастворенный, и я неприметно доѣхалъ до деревни Эслингена, гдѣ мнѣ надлежало ожидать Государя, и гдѣ я встрѣтилъ Короля Виртембергскаго. Я представился Его Величеству, и провелъ съ нимъ около часа. Король все сіе время говорилъ о Франціи, о Рейнскомъ Союзѣ, о войнѣ и о подобныхъ важныхъ предме-

пахъ; онъ такжс вспоминалъ о службѣ своей въ Россіи, и объяснялся съ такимъ благоразумісмъ и такъ краснорѣчиво, что вселилъ въ меня особенное уваженіс. Изъ Нѣмецкихъ Государей онъ одинъ, который, во время владычества Французовъ, умѣлъ сохранить призракъ независимости. О немъ говорили: »въ Вирпембергіи »нѣтъ Королевства, но есть Король.« Онъ управляетъ Государствомъ своимъ самъ; ни одинъ изъ Министровъ не имѣетъ вліянія на дѣла. Правленіс его строго; подати очснь велики; нѣкоторые на сіе жалуются, но за то нигдѣ въ Германіи нѣтъ такого порядка, какъ въ Вирпембергіи и такого великолѣпія какъ при Штутгардскомъ Дворѣ. Ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ нѣтъ подобія той пышности и устройства, какъ здѣсь. Наполеонъ, во время блеска Сен-Клудскаго Двора, присылалъ сюда чиновниковъ для изученія порядка, здѣсь заведеннаго.

По прибытіи Государя въ Эслингенъ, мы сѣли въ придворныя коляски, и отправились въ Штутгардъ, по дорогѣ, лежащей вдоль берега рѣки Некара, посреди богатыхъ селсній, за которыми видна была цѣпь горъ; на одной изъ нихъ находятся развалины замка Вартенберга,

ошкуда происходишъ нынѣ царствующій Домъ. Выстрѣлы изъ орудій, разставленныхъ на возвышеніяхъ, возвѣстили приближеніе Государя; мы ѣхали по прекрасному парку мимо оранжерей, звѣринцевъ и увеселительныхъ домовъ Короля. Все возвѣщало блистательную встрѣчу. Дворъ ожидалъ насъ на лѣстницѣ замка; на ступеняхъ разставлены были Каммергеры и Пажи, облитые, такъ сказать, въ золотѣ, а въ переднихъ комнатахъ кавалергарды и трабанты, въ старинной Нѣмецкой одеждѣ. Горницы въ замкѣ не соотвѣтствуютъ блеску, въ которомъ я видѣлъ придворныхъ: онѣ малы, убраны не богато, но со вкусомъ. Послѣ обыкновенныхъ представленій пригласили насъ въ Театръ, гдѣ взоръ мой былъ ослѣпленъ пышностію нарядовъ, и необыкновеннымъ множествомъ знаковъ отличія, украшавшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

21го *Мая.* Мы переѣхали изъ Штутгарда въ Лудвигсбургъ, обыкновенное лѣтнее мѣстопребываніе Короля. Повсюду видны богато одѣтые придворные и часовые; но городъ похожъ на казарму, потому, что на улицахъ ни кого кромѣ военныхъ, не встрѣчается. Съ нами вмѣ-

стѣ прибылъ сюда также Императоръ Австрійской, и по случаю встрѣчи его и представленія двумъ Императорамъ, придворные во весь день суетились. Я между тѣмъ разсматривалъ внутреннія комнаты замка, и невольно остановился въ кабинетѣ Короля, гдѣ висятъ три портрета, а именно: Петра Великаго, Фридриха Втораго и Герцога Фердинанда, которой почитается однимъ изъ мудрѣйшихъ Государей въ Виртембергіи.

Вечеромъ Дворъ отправился въ Монрепо, на балъ, а я поѣхалъ въ Штутгардъ, чтобы познакомиться съ славнымъ Ваятелемъ Даннекеромъ. Дорогою я любовался отмѣннымъ обрабатываніемъ земли; она здѣсь плодороднѣе, нежели въ Баваріи, гдѣ, по близости Тирольскихъ горъ, бываютъ холодные вѣтры. Селенія въ Виртембергіи богатѣе, крестьяне зажиточнѣе, города и деревни выстроены правильнѣе. Штутгардъ не обширенъ; въ немъ только одна порядочная улица. Къ сожалѣнію, я не засталъ Даннекера дома, но мнѣ показали его мастерскую, гдѣ я видѣлъ Аріадну, лежащую на барсѣ. Она принадлежитъ къ изящнѣйшимъ статуямъ въ Свѣтѣ, и смѣло можетъ быть поставлена на-ряду съ произведеніями

Кановы. Нѣжность тѣла, красота лица, выраженіе, все чрезвычайно; жаль, что на мраморѣ есть нѣсколько черныхъ пятенъ, происходящихъ отъ того, что кусокъ, изъ котораго она изваяна, былъ два года въ рѣкѣ Ронѣ. Въ мастерской видѣлъ я, сверхъ того, прекрасныя грудныя изображенія Шиллера, Госпожи Алонеусъ и Князя Меттерниха.

24го *Мая.* Мы выѣхали изъ Лудвигсбурга и прибыли въ Гейльбронъ, небольшой городокъ, лежащій въ прекрасной долинѣ; здѣсь наша главная квартира. Ежеминутно пріѣзжаютъ сюда Генералы, офицеры, курьеры; нѣтъ болѣе ни придворныхъ, ни вельможъ, ни баловъ; все приняло военный видъ; думаютъ уже не о веселостяхъ, а о славѣ, и жалѣютъ только, что наши войска еще далеко отъ Рейна. Главная квартира Австрійцевъ находилася въ это время шесть миль впереди, въ Гейдельбергѣ, и хотя они увѣряли, что въ семъ городѣ очень тѣсно на счетъ помѣщенія, но Государь, желая, по обыкновенію своему, находиться въ средоточіи военныхъ дѣйствій, велѣлъ имъ отвѣчать, что для него нужно не болѣе одного или двухъ домовъ, а что главная квартира его можетъ располо-

житься въ близлежащихъ отъ Гейдельберга деревняхъ, почему мы туда на другой день отправились.

Дорога отъ Гейльброна до Гейдельберга прелестна. Красота мѣстоположеній, чистой лазуревой сводъ небесъ, непомрачаемый ни однимъ облакомъ, тихое теченіе Некара у подошвы крутыхъ горъ, настроили духъ мой такъ поэтически, что я молилъ дневное свѣтило умедлить бѣгъ свой, дабы я могъ засвѣтло пріѣхать въ Гейдельбергъ, и видѣть окрестности его. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ; народъ покрывалъ улицы; студенты съ веселыми, открытыми лицами напоминали мнѣ счастливые годы жизни моей; Профессоры продолжаютъ читать свои лекціи. Однажды я зашелъ къ одному изъ знаменитѣйшихъ изъ нихъ; учебная комната его наполнена была слушателями. Въ двѣнадцати верстахъ отъ Французской границы, среди военнаго шума, они предаются Наукамъ съ такимъ жаромъ, что забываютъ положеніе, въ которомъ находится политической міръ. Зачѣмъ не раздѣляю я съ вами заблужденія вашего? подумалъ я, и тихими шагами пошелъ на гору, на которой возвышаются разва-

лины старинаго великолѣпнаго замка; съ ней видна долина, простирающаяся до самаго Мангейма, усѣянная деревнями, городами и садами; посреди оной открывается все теченіе Некара; вдали мелькаетъ Рейнъ и синѣются горы, лежащія во Франціи. Тамъ стоятъ уже непріятели; и такъ только двѣнадцать верстъ отдѣляютъ насъ отъ нихъ: скоро грянетъ громъ оружія!

ГЛАВА II.

Пребываніе въ Гейдельбергѣ. — Загородный домъ Государя. — Военныя совѣщанія. — Побѣда при Ватерло. — Пріѣздъ Великихъ Князей. — Выступленіе.

По прибытіи въ Гейдельбергъ, Государь переѣхалъ въ скоромъ времени за городъ, въ домъ Англичанина Пикфорда. Когда сему послѣднему сказали, что Императоръ желаетъ поселиться въ его домѣ, то онъ, принявъ сіе за особенную честь, обѣщалъ въ тотъ же день все приготовить для принятія Его Величества. Въ это время вошелъ Государь, благодарилъ хозяина чистымъ Англійскимъ языкомъ, и желалъ познакомиться съ супругою его и шестерыми дѣтьми, которыхъ онъ осыпалъ ласками, и пригласилъ бывать въ саду ихъ такъ часто, какъ имъ угодно, обѣщая, что въ немъ все будетъ сохранено въ прежнемъ видѣ, какъ было и при нихъ.

Однажды случилось мнѣ проходить

мимо сего сада, расположеннаго у подошвы крутыхъ горъ, защищающихъ его отъ холодныхъ вѣтровъ, и я увидѣлъ въ немъ Государя, Который поливалъ цвѣты. Я остановился и съ особеннымъ чувствомъ смотрѣлъ на величайшаго Монарха въ Европѣ, предводительствовавшаго силами всѣхъ Державъ, наканунѣ, можетъ быть кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ должна была рѣшиться участь царствъ, и занимавшагося цвѣтами! Потомъ Онъ взошелъ на гору и долго смотрѣлъ на прелестныя окрестности; казалося, что Онъ счастливъ былъ, любуяся красотами природы, и видъ спокойствія, которое въ сіи роковыя минуты было начертано на Его лицѣ, долго мнѣ останется памятенъ.

Мы прожили въ Гейдельбергѣ отъ 25 Мая до 10 Іюня, ожидая приближенія нашей арміи, которая въ началѣ Іюня мѣсяца и начала прибывать. Полки наши приводили въ удивленіе мужественнымъ видомъ солдатъ, исправностію оружія и хорошимъ состояніемъ лошадей. Иностранцы не понимали, какъ Русскіе могли пройти, не останавливаясь, отъ Нѣмана до Рейна, съ такою поспѣшностію, сохранивъ во всѣхъ частяхъ опрят-

ный порядокъ. Особенно было пріятно смотрѣть на воиновъ, выслужившихъ узаконенный двадцати-пяти лѣтній срокъ. Имъ предлагали отставку въ началѣ наступящаго года; но они, извѣстясь о походѣ, просили позволенія участвовать въ ономъ. Галунъ на лѣвой рукѣ отличаетъ сихъ ветерановъ. Іоаннъ Мюллеръ сказалъ: »Природа показала, что она одарила Россію необыкновенною силою. Ну»жно только прикоснуться до нее, чтобъ »увидѣть, какъ Держава сія развиваетъ »всеобъемлющее свое могущество. Она »едва познакомилась при Владимірѣ съ »просвѣщеніемъ Грековъ, и при Петрѣ »съ образованіемъ Европейцевъ, какъ уже »спошенія ея обняли всѣ великія Дер»жавы.« Если бы дѣписатель сей дожилъ до нашего времени, то присовокупилъ бы: »лишь только двадцать »народовъ покусился нарушить благо»денствіе великой Имперіи, какъ въ те»ченіе полутора года по нашествіи ихъ »Русскіе уже въ другой разъ за Рейномъ.«

Между тѣмъ почти ежедневно собирались Генералы Союзныхъ Державъ для составленія плана военныхъ дѣйствій. Какъ въ подобныхъ случаяхъ водится, они сначала не соглашались во мнѣніяхъ

на счетъ операціонныхъ линій. Одни думали, что выгоднѣе, раздѣливъ арміи, одной изъ нихъ переправиться чрезъ Рейнъ въ Базелѣ, прикрыть Швейцарію, и начать наступательныя движенія не прежде, какъ по присоединеніи къ ней Австрійскихъ войскъ, шедшихъ изъ Неаполитанскаго Королевства, а другой арміи, переправяся у Мангейма, итти по направленію на Сенъ-Дизье, и обѣимъ арміямъ соединиться около Шомона. На сіе возражали, что принимая Шомонъ за точку соединенія, надлежитъ къ оному слѣдовать кратчайшимъ путемъ изъ Страсбурга, а не изъ Базеля, ибо переправясь у сего послѣдняго города, лишаемся возможности въ случаѣ сраженія дѣйствовать совокупными силами. По долгихъ преніяхъ, въ которыхъ разсуждаемо было также о продовольствіи и о томъ, какихъ Державъ войскамъ поручить наблюденіе за непріятельскими крѣпостями, наконецъ рѣшились на слѣдующее: *первое*, Россійской арміи итти на Триръ чрезъ горы Гундсрюкенъ, не занимая Кейзерслауперна, съ тѣмъ, что она, будучи въ готовности подкрѣпить армію Блюхера, направится на Сенъ-Дизье, а чрезъ то облегчитъ соединеніе свое съ

Австрійцами, которые, перейдя Рейнъ въ Базелѣ, пойдутъ чрезъ Бефоръ на Лангръ и Шомонъ, для сближенія съ Россіянами. *Второе*, Баварцамъ не начинать наступательныхъ движеній до прибытія нашихъ войскъ, назначенныхъ для надзора за крѣпостями лѣваго берега Рейна. *Третіе*, сорока одной тысячѣ Австрійцевъ обложить Безансонъ, Оксонъ, Шлеттштадъ, Бефоръ, Гюнингенъ, Бризакъ, Форъ-Жу, Салинсъ и л'Эклюзъ. Изъ числа сихъ войскъ восьмнадцати тысячамъ войти въ составъ гарнизона Майнца и блокадныхъ корпусовъ около Страсбурга и Ландау. *Четвертое*, шридцати пяти тысячамъ Русскихъ обложить Мецъ, Тіонвиль, Сарлуи, Бичь и Фальцбургъ, и одиннадцати тысячамъ изъ оныхъ поступить въ блокадные корпусы около Страсбурга и Ландау. Люксенбургскому гарнизону подкрѣпляпь войска, опредѣленныя для блокады Меца и Тіонвиля, и дѣйствовать съ ними совокупно, если нужда того востребуетъ.

Въ слѣдствіе сего, Россійская армія, соединясь, около 20 Мая, между Кобургомъ, Бамбергомъ и Нюренбергомъ, слѣдовала къ Рейну въ трехъ колоннахъ по дивизіямъ, разстоящимъ въ одномъ пере-

ходѣ одна отъ другой. Авангарду ея надлежало быть на Рейнѣ около 6 Іюня, а послѣднимъ Русскимъ войскамъ прибѣть туда 17 Іюня. Какъ по сему плану вся армія наша должна была находиться въ первой линіи, то велѣно Графу Виттенштейну, расположенному на Курляндской и Литовской границахъ и въ Царствѣ Польскомъ, выступить въ походъ, такъ, чтобы часть его войскъ направилась на Триръ, а другая расположилась около Бамберга, и составляла запасъ для дѣйствующей арміи, а Графу Милорадовичу приказано съ гвардіею выступить изъ С. Петербурга въ Ковно.

Сіи предположенія оказались однако же мечтательными, ибо 8 Іюня получено извѣстіе о начатіи дѣйствій въ арміи Блюхера и о разбитіи сего полководца при Линьи. Хотя успѣхи Наполеона сами по себѣ не были значительны, ибо Прусская армія, вѣроятно, скоро должна была соединиться съ Англійскою; но послѣдствія ихъ могли быть важны въ политическомъ отношеніи: ибо общее мнѣніе, бывшее до сего раздѣленнымъ вразсужденіи предпріятія Наполеона, могло вновь обратиться въ его пользу. Немедленно собранъ былъ Военный Совѣтъ,

въ которомъ рѣшили оставить прежде принятой планъ имѣли нашимъ войскамъ на Триръ, и назначили двумъ арміямъ, Русской и Австрійской, сосредоточиться на пространствѣ между Майнца и Базеля, и слѣдовать къ Нанси, куда предположено было достигнуть 29 Іюня. Баварцамъ поручили прикрывать наше правое крыло, а Графу Ланжерону, командующему шестымъ корпусомъ, обложить Страсбургъ и Ландау. На случай отступленія армій, должны были построиться на Рейнѣ при мостовыя укрѣпленія.

Едва приказанія для приведенія въ дѣйствіе сихъ мѣръ были разосланы, какъ 10 Іюня побѣдные клики возвѣстили о сраженіи при Ватерло. Радость была неописанная, тѣмъ болѣе, что, послѣ пораженія Прусаковъ при Линьи, не только не ожидали успѣховъ, но опасались услышать о новыхъ подвигахъ Французовъ. Тотчасъ велѣно было нашей арміи и Австрійской переправиться чрезъ Рейнъ и устремиться на Парижъ; а дабы имъ быть сколь можно ближе одна отъ другой, то Русскія войска, перейдя 14 числа Рейнъ, должны были сдѣлать нѣсколько маршей влѣво вверхъ по сей рѣкѣ, оставя вправо отъ себя прямую

Парижскую дорогу. Нашей арміи назначено было слѣдовать по Франціи въ трехъ колоннахъ: правая находилась подъ начальствомъ Дохтурова, средняя Сакена, а лѣвая Раевскаго, при которой Союзные Монархи избрали свое пребываніе. Баварцы пошли впередъ насъ въ одномъ или въ двухъ маршахъ, а Виртембергскій Наслѣдный Принцъ прикрывалъ наше правое крыло со стороны Страсбурга. Государь, на другой день послѣ сего извѣстія, переѣхалъ изъ Гейдельберга въ Мангеймъ.

Къ достопамятностямъ пребыванія нашего въ Гейдельбергѣ, принадлежитъ также пріѣздъ туда Великихъ Князей. Бывшій при воспитаніи Ихъ Высочествъ Генералъ Ламздорфъ возвратился въ Россію, и мѣсто его занялъ Коновницынъ, которому предстояла честь руководствовать на военномъ поприщѣ Внуковъ Екатерины. Достойная награда тому, кто въ великомъ дѣлѣ освобожденія Россіи снискалъ себѣ безсмертное имя!

ГЛАВА III.

Мангеймъ. — Шпейеръ. — Парижскія новости. — Депутаты Временнаго Правительства. — Обращеніе съ Французами. — Партизаны. — Нанси.

Мирный и пустынный Мангеймъ наполнился Русскими; на улицахъ его только и видны были безчисленные ряды нашихъ войскъ, артиллеріи и обозовъ, шедшихся за Рейнъ. Однако же, все возвѣщало, что война не могла быть продолжительна, ибо извѣстія, получаемыя ежечасно изъ Франціи, свидѣтельствовали о быстрыхъ успѣхахъ Веллингтона и Блюхера. Вскорѣ мы узнали и объ отреченіи отъ престола Наполеона, безъ котораго Французы не были въ состояніи съ нами воевать. Нѣсколько разъ носились слухи о его смерти, и будто въ непріятельской арміи отдано было въ приказѣ, que le grand homme a passé. Начальники Французскихъ передовыхъ войскъ неоднократно предлагали заключить пере-

миріе; одинъ изъ нашихъ Генераловъ на сіе было согласился, полагаясь на увѣреніе Французовъ, что съ отреченіемъ Наполеона прекращаются военныя дѣйствія; но Государь былъ симъ поступкомъ недоволенъ, и приказалъ подтвердить всѣмъ Генераламъ, чтобы не вступали ни въ какіе переговоры съ непріятелемъ. Въ концѣ собственноручнаго повелѣнія по сему предмету Его Величества къ Фельдмаршалу Барклаю де-Толли было сказано: »Съ благословеніемъ Все»вышняго, съ помощію таковыхъ полко»водцевъ, каковы вы, и съ храбростію не»оцѣненныхъ нашихъ войскъ, Я надѣюся »привести къ окончанію сію новую вой»ну и достигнь до благодѣтельнаго для »цѣлой Европы мира.«

15 Іюня поутру мы отправились изъ Мангейма въ Шпейеръ. Войска проходили по мосту черезъ Рейнъ, и потому я долженъ былъ ѣхать по оному тихо, и смотрѣлъ безмолвно на картинные берега рѣки. Шпейеръ принадлежитъ къ самымъ стариннымъ городамъ; въ немъ любопытенъ Соборъ, гдѣ погребали долгое время Германскихъ Императоровъ. Здѣсь покоился Рудольфъ Габсбургскій, коего памятникъ разломанъ; а близъ него ле-

житъ прахъ Императора Генриха IV, который ходилъ пѣшкомъ въ Римъ просить у Папы отпущенія грѣховъ. Гробница его въ цѣлости, между тѣмъ, какъ на обломкахъ гробницы основателя Австрійской Монархіи лежитъ овесъ и солома, приготовленные для проходящихъ войскъ.

16 *Іюня.* Я ѣхалъ одинъ изъ Шпейера въ Рейнсабернъ, имѣя вправо цѣпь Вогезскихъ горъ, коихъ подошва усѣяна богатѣйшими селеніями; по лѣвую сторону протекалъ Рейнъ, омывающій плодоносную долину, а позади его синѣлись горы благословенной Германіи. Вершины ихъ покрыты развалинами рыцарскихъ замковъ, едва мелькавшими изъ-за тумана, сквозь который проходили первые лучи солнца. На половинѣ дороги я видѣлъ крѣпость Ландау; тамъ непріятели, а здѣсь Русскіе шли въ густомъ строѣ: это подало поводъ къ размышленію о политическомъ равновѣсіи — семъ благодѣтельномъ феноменѣ, явившемся въ послѣднія три столѣтія — которое столь тѣсно соединило между собою Державы, что для благоденствія ихъ нужно, чтобы Русскія войска были съ оружіемъ въ рукахъ въ нѣдрахъ Франціи, между

пѣмъ, какъ Французы въ собственной землѣ своей укрываются въ крѣпостяхъ.

Парижскія новости составляли предметъ общихъ разговоровъ; всѣ читали съ жадностію Французскія Вѣдомости, въ которыхъ изображалась борьба различныхъ партій, господствовавшихъ во Франціи. Никогда Членамъ Палатъ и журналистамъ не представлялось обильнѣйшаго поля для преній. Пользуясь правомъ свободнаго книгопечатанія, они описывали тѣ минуты, когда полководецъ, одаренный чрезвычайными воинскими способностями, принужденъ, подобно Аннибалу послѣ Замы, искать спасенія въ бѣгствѣ, когда соотечественники ихъ, долго привыкшіе къ побѣднымъ слухамъ, видятъ арміи свои сокрушенными, когда многочисленныя ополченія народовъ подступаютъ къ столицѣ ихъ, — словомъ сказать, тѣ минуты, когда отечество ихъ гибнетъ. Одни оплакивали народную честь и славу, потерянныя безвозвратно; другіе питались упованіемъ счастливаго переворота: но всѣ думали найти обезпеченіе независимости своей въ политическихъ формахъ. Странно, что почти никто не обращалъ вниманія на директорскую власть, которая одна спасала

Державы; бывшія въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Франція. Духъ журналистовъ упадалъ ежедневно болѣе, по мѣрѣ, какъ они узнавали о повсемѣстномъ отступленіи ихъ армій, и объ увеличивающихся успѣхахъ Союзниковъ. Сколько занимательно содержаніе Парижскихъ Вѣдомостей, столько же примѣчательно краснорѣчіе ихъ издателей: самыя заблужденія ихъ и лжеумствованія писаны щегольскимъ перомъ.

18 Іюня мы выступили изъ Вейсенбурга въ Гагенау, куда я пріѣхалъ въ прекраснѣйшее утро, имѣя во всю дорогу въ виду очаровательныя мѣстоположенія. Проѣзжая Гагенаускій лѣсъ, я наслаждался благоуханіемъ деревъ и прохладой лѣтняго вѣтерка. Если всегда пріятно быть посреди природы, то сколь безцѣнны тѣ минуты, которыя проводимъ въ нѣдрахъ ея во время военное, когда малѣйшая изъ красотъ ея заставляетъ забывать и страсти, обурсвающія свѣтъ, и бѣдствія человѣчества, которыя видимъ безпрестанно предъ собою! Миновавъ лѣсъ, открылся Спразбургъ и множество городовъ и деревень, лежащихъ вдоль Рейна. Здѣсь я встрѣтилъ 17-ю пѣхотную дивизію. Отличи-

тельная черта нашихъ солдатъ есть, что ихъ ничто не удивляетъ: они съ тѣмъ же равнодушіемъ смотрѣли на мѣста, по коимъ шли, какъ бы находились въ Россіи; иногда отголосокъ заунывныхъ пѣсень напоминалъ Волгу и Днѣпръ.

Мы извѣстились въ этотъ день, что въ Парижѣ учрежденo Временное Правительство, которое отправило чиновниковъ въ нашу Главную квартиру. Союзные Государи послали къ нимъ на встрѣчу Графа Шувалова, съ препоручсніемъ сказать, что Монархи не намѣрены принять ихъ, что чиновники должны объявить Графу предложенія своего правительства и ожидать въ Реймсѣ отвѣта. Графъ Шуваловъ съ ними разъѣхался, и Депутаты прибыли въ Главную нашу квартиру. Ихъ было шестеро, а именно: Лафаетъ, Себастіани, Лафоре, Поннекуланъ, Аржансонъ и Бенжаменъ-Констанъ. Они привезли письма къ союзнымъ Министрамъ Иностранныхъ Дѣлъ, съ полномочіемъ вступить въ переговоры. Между тѣмъ, какъ Статсъ-Секретарю Графу Каподистрія велѣно было съ ними объясниться и сказать имъ, чтобы они ѣхали въ Лаунсербургъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Гагенау, куда имъ объщано

прислать отвѣтъ, — Лафаетъ пришелъ къ Начальнику Штаба Государева, однако же не былъ имъ принятъ. Когда онъ вошелъ въ переднюю комнату Начальника Штаба, то Адъютантъ спросилъ его, кто онъ таковъ. »Не бывъ коронованною »главою, я пользуюсь уваженіемъ Монар»ховъ,« отвѣчалъ Лафаэтъ. Графъ Каподиспрія пробылъ у Депутатовъ весь вечеръ, и выходя отъ нихъ въ полночь, сказалъ мнѣ: »Они говорятъ, что Пала»ты признали Императоромъ сына Напо»леонова; но изъ словъ ихъ видно, что »это одна личина. Себастіани объясняет»ся лучше и умнѣе, нежели прочіе. Бен»жаменъ-Констанъ слишкомъ горячится.«

Наслѣдный Принцъ Виртембергскій разбилъ непріятельскаго Генерала Раппа, и принудилъ его отступить къ стѣнамъ Страсбурга. Чрезъ часъ послѣ полученія о семъ донесенія, Государь отправилъ къ Принцу до придцати орденовъ для награжденія онымъ отличившихся. Въ то же время составили особой корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Гогенцоллерна, для обложенія Страсбурга, а Принцу Виртембергскому велѣно примкнуть съ своими войсками къ нашему лѣвому крылу. Будучи такимъ образомъ

обезпечены со стороны Стразбурга, мы пойдемъ не на Кенигфельдъ и на Муцигъ, какъ полагали прежде, а прямо на Саверпъ, чѣмъ сократимъ двумя переходами путь къ Нанси, куда прибудемъ черезъ четыре дня. Къ нашей лѣвой колоннѣ присоединяются вторая и третья гренадерскія дивизіи, и Прусская гвардія и гренадеры, которыхъ Король подчинилъ Барклаю. По сему поводу Государь написалъ къ нему, чтобы онъ вѣжливымъ письмомъ изъявилъ Королю свою благодарность за сдѣланную ему честь порученіемъ подъ его начальство сихъ отборныхъ войскъ.

21 *Іюня.* Зной необыкновенный; но армія, не останавливаясь, дѣлаетъ самые большіе переходы, истинно Суворовскіе; мы не имѣли еще ни одной дневки съ самой переправы чрезъ Рейнъ. Войска однако же не унываютъ, и походъ не можетъ быть для насъ благопріятнѣе, потому, что получаемъ почти ежедневно извѣстія объ успѣхахъ нашихъ Союзниковъ: на югѣ Австрійцы тѣснятъ Лекурба, а Англичане и Пруссаки находятся близъ Парижа. Въ нашей Главной квартирѣ почти не примѣтно, что существуетъ война; мы выступаемъ въ по-

ходъ обыкновенно очень рано, ѣдемъ прекрасною дорогою, всѣ довольны, Государь верьхомъ и веселъ. Слѣдованіе нашихъ войскъ по непріятельской землѣ никогда не было устроено съ бо́льшимъ порядкомъ; доказательствомъ служитъ то, что по сихъ поръ не подано еще ни одной жалобы со стороны жителей; сіе отчасти происходитъ и отъ того, что наши опасаются имѣть какой либо споръ съ Французами, потому что начальство наше при разбирательствѣ обыкновенно сихъ послѣднихъ оправдываютъ. Хотя сія мѣра не всѣмъ кажется справедливою, однако же я думаю, что нельзя довольно щадить жителей непріятельской земли, и заставлять ихъ забывать несчастіе — видѣть чужеземныя войска въ своемъ отечествѣ. За то Французы такъ довольны Русскими, что Меръ или Городничій одного города сказывалъ мнѣ, что обыватели окружныхъ селеній просили его изъ милости помѣщать къ нимъ постоемъ Русскихъ предпочтительно предъ другими союзными войсками.

По вечерамъ бываетъ у насъ музыка, и мы гуляемъ по окрестно́стямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ останавливаемся для ночлеговъ. Сегодня прибыли мы въ Сарбургъ,

а упромъ проходили Вогезскія горы. Послику крѣпость Фальцбургъ намъ не сдалась, и она стоитъ на большой дорогѣ, по которой намъ надлежало слѣдовать; то мы принуждены были ее обходить прозсками, по лѣвую сторону отъ крѣпости. Маршъ былъ весьма затруднителенъ, по причинѣ высокихъ и крутыхъ горъ; но мѣстоположенія столь красивы, что я забывалъ усталость. Австрійскіе обозы тянулись съ трудомъ по горамъ. Не говоря о полковыхъ тяжестяхъ, у одного Императора Франца сто семьдесятъ пять экипажей, а весь обозъ нашего Государя состоитъ изъ тридцати четырехъ повозокъ. Графъ Ожаровскій былъ посланъ требовать сдачи Фальцбурга, но получилъ отказъ. Комендантьі Французскихъ крѣпостей отвѣчаютъ обыкновенно съ отмѣннымъ благородствомъ на дѣлаемыя имъ предложенія о сдачѣ; будучи образованы въ побѣдоносныхъ станахъ, они не могутъ привыкнуть къ той мысли, что они побѣжденные.

Въ городахъ и деревняхъ жители, стоя у дверей, на насъ смотрятъ; они столько пострадали отъ безпрестанныхъ переворотовъ, что предались совершенно-

му равнодушію. Я видѣлъ Нѣмцевъ во время ихъ униженія: духъ такъ сильно не упадалъ у нихъ, какъ у Французовъ, которые неохотно говорятъ о политическихъ происшествіяхъ; я видѣлъ даже таковыхъ, которые отказываются отъ чтенія Вѣдомостей. Можно сказать, что Франція заключается въ Парижѣ, и обыватели Департаментовъ ожидаютъ, что изъ столицы прикажутъ провозглашать, Республику, или Генриха Четвертаго, или Имперію.

Іюня 22. Не успѣли мы пройти Вогезскія горы, какъ Французы образовали въ оныхъ партизанскую войну; отряды ихъ находятся подъ начальствомъ двухъ отличныхъ офицеровъ, Вольфа и Бриса. Вчера одинъ изъ моихъ товарищей былъ посланъ изъ Сарбурга въ Нанси; проѣхавъ нѣсколько верстъ, онъ увидѣлъ показавшихся изъ лѣсу крестьянъ, числомъ около ста, которые начали по немъ стрѣлять не взирая на то, что съ нимъ было восемь казаковъ прикрытія; они ранили офицера и двухъ казаковъ. Извѣстіе сіе произвело небольшое безпокойство въ нашей Главной квартирѣ, потому что предположено было пустить впередъ съ вечера сопутствующія намъ одиннадцатую

и семнадцатую дивизіи, а Государь намѣренъ былъ ѣхать въ слѣдъ за ними сегодня поутру; въ конвоѣ же Его Величества находятся только двѣнадцать лейбъ-казаковъ. Въ слѣдствіе сего происшествія велѣно опушку лѣсовъ на дорогахъ занимать пѣхотою, и мы пойдемъ уже съ войсками. Какая разница между сими Французскими партизанами и Русскими, существовавшими въ отечественную войну! Сіи послѣдніе находили живѣйшее содѣйствіе между жителями тѣхъ мѣстъ, гдѣ они показывались, въ то время, какъ Французы порицаютъ своихъ партизановъ. Меръ городка Блалеона известилъ даже письмомъ о истинно злодѣйскихъ и разбойничьихъ намѣреніяхъ ихъ, которыя къ счастію однако же не совершились.

Іюня 23. Мы пріѣхали въ Нанси, одинъ изъ любопытныхъ городовъ по большимъ площадямъ, широкимъ улицамъ, прекраснымъ гульбищамъ, садамъ и алеямъ, насаженнымъ Станиславомъ Лещинскимъ. Чернь возставала вчера и третьяго дня, провинъ Бурбоновъ. Трудно знать, кого Французы желаютъ: они называютъ Буонапарта жестокимъ, Бурбоновъ слабыми, а республиканцами быть не хотятъ; но

всѣ соглашаются, что конституціонное Правленіе необходимо. Бунты, бывшіе на сихъ дняхъ, происходили отъ того, что нѣкоторые изъ жителей надѣвали трехъцвѣтныя кокарды, а другіе бѣлыя и орденъ Лиліи; партизаны и жандармы приходили изъ близлежащихъ крѣпостей и возбуждали народъ къ сопротивленію Союзнымъ войскамъ, увѣряя, что Наполеонъ приближается съ сильною арміею. Чернь ходила толпами по улицамъ, грозя ограбить домы преданныхъ Королевской партіи. Она собралась передъ окнами дома, гдѣ живетъ тяжело раненый Ротмистръ Бервицъ, бывшій Адъютантъ Князя Багратіона. »Смерть Русскому! мы »требуемъ его крови!« кричала народная сволочь. Для отвращенія подобныхъ явленій, приказано отобрать оружіе отъ жителей; они сами приносили оное въ домы, назначенные для складки. Я видѣлъ одного Француза, который, отдавая шпагу свою, поцѣловалъ ее со слезами. Едва наши войска заняли Нанси, какъ на Ратушѣ было выставлено бѣлое знамя, украшенное лиліями, и множество людей съ знаками сего ордена покрыли улицы и площади.

Французы всѣхъ состояній обращаютъ

особенное вниманіе на Государя. Лѣстница, сѣни и переднія комнаты дома, гдѣ Его Величество изволитъ останавливаться, бываютъ наполнены народомъ съ утра до вечера; лучшіе люди города ожидаютъ по нѣскольку часовъ минуты, чтобы взглянуть на Императора: не такъ бываетъ на улицахъ, гдѣ живутъ прочіе Союзные Монархи.

Въ Нанси я познакомился съ одною Русскою барынею, вышедшею за-мужъ за Француза, и тамъ поселившеюся. Сколь ей радостно было увидѣть своихъ единоземцевъ въ своемъ новомъ отечествѣ, сіе легко можно себѣ представить, а что она оказывала услуги плѣннымъ и раненымъ нашимъ, то весьма естественно. Она разсказывала мнѣ о разныхъ непріятностяхъ, претерпѣнныхъ ею отъ Французскаго Правительства, особенно во время правленія Наполеонова, съ такимъ презрѣніемъ, каковаго отъ Россіянки ожидать должно къ столь безнравственнымъ людямъ, каковы чиновники бывшаго Повелителя Франціи.

Іюня 26. Партизаны становятся безпрестанно предпріимчивѣе; увѣряютъ, что начальникъ ихъ, Брисъ, ночевалъ въ Нанси, въ день нашего отъѣзда. Сегодня

они показывались въ виду Государя, изъ лѣса, по обѣимъ сторонамъ дороги, на возвышеніяхъ, съ которыхъ они подаютъ сигналы другъ другу. Они ранили одного гусара, и Государь, услыша выстрѣлъ сей, поѣхалъ съ Австрійскимъ Императоромъ на ту самую гору, откуда онъ раздался. Нѣкто сказалъ при семъ случаѣ, »что »въ первый разъ въ свѣтѣ разбойники »нападаютъ на двухъ Императоровъ.« Но это скоро было забыто, ибо на переходѣ между Нанси и Линьи мы получили извѣстіе о занятіи Парижа Англійскими и Прусскими войсками: разговоры о мирѣ и о Парижѣ, котораго память еще такъ свѣжа, заступили мѣсто приготовленій къ военнымъ дѣйствіямъ.

*

ГЛАВА IV.

Состояніе Франціи. — Отъѣздъ изъ Главной квартиры. — Дорога до Шалона. — Дорога до Мо. — Въѣздъ въ Парижъ. — Свиданіе Государя съ Лудовикомъ XVIII. — Дворецъ Элизе-Бурбонъ. — Замѣчаніе о вторичномъ въѣздѣ Государя въ Парижъ.

Франція находилась въ сіе время въ безначаліи; разсѣянныя войска ея соединялися на лѣвомъ берегу Лоары; народъ ругался надъ мѣстными начальствами; въ нѣкоторыхъ городахъ обнаруживалась междоусобная война; Народное Собраніе, непризнаваемое законнымъ Союзными Государями, было раздѣлено во мнѣніяхъ, кого надлежало избрать на престолъ Франціи; Парижане волновались и были ожесточены нѣкоторыми поступками Союзниковъ, особенно тѣмъ, что Пруссаки намѣревались взорвать Іенскій мостъ. Безопасность Парижа была угрожаема мятежными жителями сего города; не-

лъзя было полагашься на національную гвардію, потому что она въ теченіе полупора года присягала шремъ Правительствамъ, совершенно различнымъ одно отъ другаго. Въ семъ положеніи Веллингтонъ и Блюхеръ почли выше силъ своихъ возстановишь порядокъ; имъ надобно было, сверхъ того, знать дальнѣйшія намѣренія Союзныхъ Государей, и посему, извѣстя ихъ о занятіи Парижа, они убѣдительно просили Монарховъ объ ускореніи прибытія своего въ сію столицу.

Лѣвая колонна Россійской арміи, съ которою слѣдовали Ихъ Величества, пришла 27 Іюня въ Сенъ-Дизье, разстояніемъ отъ Парижа на 220 верстъ: слѣдовательно она не могла быть нами прежде семи или осьми сутокъ, а между шѣмъ каждая минута была драгоцѣнна. Хотя Французы были обезсилены, хотя ихъ крѣпости были обойдены, ихъ войска обращены въ бѣгство, земля ихъ большею частію занята иностранными арміями: но невозможно было пренебречь отчаяніемъ, которое могло поселиться въ народѣ, состоящемъ изъ двадцати пяти милліоновъ жителей, говорящихъ однимъ языкомъ и помнящихъ недавнюю славу своего имени. Минута медленности

заставила бы, можетъ быть, проливать рѣки крови человѣческой. Съ другой стороны казалось слишкомъ отважнымъ проѣхать изъ нашей Главной квартиры до Парижа болѣе 200 верстъ пространства, незанятаго нашими войсками.

Государь рѣшился однако же отправиться изъ Сенъ-Дизье, слѣдовательно изъ того самаго города, гдѣ Наполеонъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1814 года, сдѣлавъ движеніе на линію сообщеній Союзныхъ армій, лишился престола. Главная квартира наша продолжала слѣдованіе съ лѣвою колонною чрезъ Сезанъ и Куломье, а Его Величество, оставя оную 27 Іюня, поѣхалъ чрезъ Шалонъ, вмѣстѣ съ Императоромъ Французомъ, съ коимъ находились Канцлеръ Князь Меттерниxъ и Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Врбна и съ Королемъ Прусскимъ, коему сопутствовалъ Канцлеръ Князь Гарденбергъ, а при Государѣ находились Статсъ-Секретари по иностранной части и Начальникъ Его Штаба, при которомъ былъ я. Мы всѣ помѣстились въ девяти экипажахъ, и положено было не отставать другъ отъ друга и ѣхать вмѣстѣ. На каждой станціи до города Мо выставлено было по пятидесяти казаковъ, назначенныхъ насъ сопро-

вождать подъ начальствомъ Графа Орлова-Денисова, который на одной и той же лошади, слѣдуя за скорою нашею почтовою ѣздою, вмѣстѣ съ нами въ одинъ день прибылъ въ Шалонъ. Множество народа окружало насъ во всѣхъ селеніяхъ, особенно на почтахъ; жители принимали насъ довольно равнодушно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они буйными толпами тѣснились вокругъ коляски Государя, и грубымъ и сиповатымъ голосомъ, свойственнымъ Французскимъ крестьянамъ, провозглашали то Генриха IV, то Короля Римскаго, то Императрицу Марію Луизу, то Людовика XVIII, иногда Наполеона, — но чаще всего слышно было: да здравствуетъ Императоръ Александръ! О прочихъ Союзныхъ Государяхъ не упоминалъ никто ни слова. Такъ и простой народъ во Франціи знаетъ, что отъ Русскаго Царя зависитъ участь его.

Должно удивляться, съ какою смѣлостію Государь рѣшился на толь опасной путь, въ которомъ сотня рѣшительныхъ Французовъ могла перемѣнить участь вселенной. Мы объѣзжали почти непроходимою дефилеею крѣпость Витри, которая еще не сдалась, и гдѣ было нѣсколько тысячъ гарнизону. Она обложена

малымъ числомъ нашихъ драгуновъ; Французы со спѣшъ ясно могли видѣть наше слѣдованіе; двѣ колонны вышли изъ города, я содрогнулся, но онѣ скоро возвратились обратно въ оной. Государь могъ сказать въ подражаніе Кесарю: »чего ты спрашишься, ты везешь Александра!«—Ввечеру мы пріѣхали въ Шалонъ, гдѣ остановились для ночлега. Улицы долго наполнены были народомъ; жители удивлены нашимъ пріѣздомъ; они не постигаютъ, какимъ образомъ мы находимся посреди ихъ безъ войскъ.

28 Іюня, рано поутру, мы отправились въ путь по большой дорогѣ ведущей чрезъ Эперней, Шатопіерри и Мо. Рѣзвые кони несли насъ по плодоносной равнинѣ, орошаемой Марною, коея берега, испещренные цвѣтами, образуютъ прекраснѣйшія мѣстоположенія. Отъ города Мо, который невольно напоминаетъ Боссюэта, мы ѣхали безъ прикрытія, и встрѣчали на каждомъ шагу Французскихъ солдатъ, возвращавшихся поодиначкѣ въ домы свои; у нѣкоторыхъ были ружья, на кои они едва осмѣливались смотрѣть. На лицахъ ихъ начертана была горесть, и всѣ кланялись намъ вѣжливо. Это были остатки арміи, называвшейся нѣкогда

великою; вѣроятно, нѣкоторые изъ сихъ воиновъ были за два года въ Кремлѣ! Какое разстояніе отъ сего унизительнаго состоянія до той гордости, которую Французы оказывали прежде! Сердце мое сильно затрепетало, когда мы проѣхали мимо деревни Бонди, гдѣ мы провели незабвенную ночь наканунѣ 19 Марта 1814 года, и гдѣ объявлено было Коленкуру, что съ послѣднимъ его прекращаются всякія сношенія, и что съ нимъ въ переговоры болѣе вступать не намѣрены. За селеніемъ Пантенъ открылись предъ нами Монмартръ, все пространство отъ Сенъ-Дени до Венсена и Парижъ — готовый принять своихъ избавителей!

О Россія! на какую степень славы ты вознесена! Въ другой уже разъ Царь твой предписываетъ законы Европѣ, въ другой разъ Монархи и народы избираютъ его посредникомъ своимъ, въ другой разъ могущественная армія твоя даруетъ миръ вселенной! Признаюсь, что я почиталъ себя счастливымъ, находясь столь близкимъ свидѣтелемъ ея торжества, которое въ ту минуту исполняло всю душу мою. Неизъяснимыя чувства и мысли волновали меня, когда мы въ семь часовъ вечера въѣхали въ предмѣ-

стіе Парижа; уже мы въ воротахъ Сенъ-Мартенъ, уже на бульварѣ, уже въ улицѣ Сенпъ-Оноре! Толпы народа бѣгутъ за нами. Парижане не полагали такъ скоро видѣть Государя; радость ихъ становится пѣмъ сильнѣе, чѣмъ пріѣздъ Его Величества для нихъ неожиданнѣе. Многіе смотрятъ на Государя и не узнаютъ Его, а потомъ, подобно человѣку, заключенному въ мрачную темницу, который впервые по освобожденіи видитъ дневное свѣтило, Парижане взываютъ въ восторгѣ: вотъ Александръ! вотъ нашъ избавитель! вотъ Русскіе!

Государь остановился во дворцѣ, называемомъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ изволилъ жить и въ прошломъ году. Чрезъ полчаса прибылъ Король Французскій, котораго Императоръ встрѣтилъ на крыльцѣ. Оба Монарха провели вмѣстѣ болѣе часа. Когда они вышли изъ комнаты, въ которой бесѣдовали, то на Государѣ была голубая лента ордена Святаго Духа, и Людовикъ XVIII, обратясь къ намъ, сказалъ Государю: »Ваше Величество, объявивъ »симъ господамъ, что на васъ не лента »Св. Андрея Первозваннаго.« Они разсмѣялися, по видимому, ласковѣе и дружнѣе, чѣмъ встрѣтилися. Если бы сердце Але-

кс а н д р а доступно было самолюбію, по какому удовольствію должно оно было предаваться въ семъ свиданіи, гдѣ онъ являлся въ видѣ настоящаго покровителя Короля Французскаго, коего предки, въ недавнія еще времена, при всякомъ удобномъ случаѣ старалися брать первенство надъ нашимъ Дворомъ!

Послѣ отъѣзда Короля, народъ до самой ночи толпился на улицѣ передъ дворцемъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ Государь остановился и гдѣ Наполеонъ провелъ послѣднее время царствованія своего, и отрекся отъ престола. Никто не занималъ комнатъ его; мебели въ оныхъ въ такомъ же положеніи, какъ онѣ были при немъ; его садовники, нѣсколько привратниковъ и служителей не лишились мѣстъ своихъ; садъ сохраняется въ такомъ же порядкѣ; два лебедя, какъ и при немъ, плаваютъ по чистому пруду. Между тѣмъ, какъ присланные изъ Тюльерійскаго дворца метръ-д'отели въ нарядныхъ кафтанахъ, съ напудренными головами, и украшенные орденами Лиліи, накрывали на столъ и уставляли его отборнѣйшими винами и самыми лакомыми яствами, я ходилъ по комнатамъ Элизе-Бурбонъ, и заглянулъ въ темныя алеи его сада, ду-

мая, что до послѣдняго вѣка, въ который прекратится существованіе нашего міра, люди будутъ стекаться сюда, размышлять о превратности Царствъ и вспоминать объ Александрѣ, который здѣсь, въ чертогахъ своего соперника, стоя на высшей степени человѣческаго величія, предавался уединенію и возносился мыслію къ небу.

Ежели ничто не можетъ сравниться съ торжественнымъ вступленіемъ нашимъ въ Парижъ въ прошломъ году, когда Государь, послѣ невѣроятныхъ пожертвованій, усилій и побѣдъ, предводительствовалъ своими войсками, и былъ встрѣченъ ожидавшимъ Его милліономъ жителей, то нынѣшній въѣздъ Его Величества въ сію столицу останется не менѣе памятнымъ. Онъ есть единственный въ лѣтописяхъ міра, ибо не слыхано, чтобъ Монархъ въѣзжалъ въ столицу непріятельскую безъ единаго воина и съ малымъ только числомъ приближенныхъ особъ, чтобы часъ вступленія его сдѣлался залогомъ общаго спокойствія, и чтобы побѣжденный народъ сказалъ, говоря о своихъ побѣдителяхъ: »Избавители наши прибыли, и мы спасены.«

ГЛАВА V.

Расположеніе Парижанъ.—Графъ Сегіоръ. — Аудіенціи разныхъ лицъ. — Генералъ Сарразенъ. — Переговоры. — Смотры Англійскихъ войскъ. — Живописецъ Жераръ.

Вѣсть о прибытіи Государя въ Парижъ, съ неимовѣрною быстротою разнеслася по городу, и успокоила всѣ сословія жителей на счетъ безопасности ихъ, ибо всѣ различныя партіи, господствовавшія во Франціи, признавали Его своимъ покровителемъ. Онъ возстановилъ Бурбоновъ, оказывалъ уваженіе фамиліи Герцоговъ Орлеанскихъ, покровительствовалъ семейству Наполеонову, и полагалъ преграды неумѣреннымъ требованіямъ нѣкоторыхъ изъ Союзниковъ: Іенскій мостъ тогда же запрещено имъ было взрывать. Крестьяне прилежащихъ къ Парижу селеній, пригнавшіе въ столицу скотъ свой, и перевезшіе въ оную лучшіе пожитки, изъ опасенія, чтo-

бы опѣ недостался въ руки побѣдителей, узнавъ о прибытіи Государя, немедленно начали возвращаться въ жилища свои.

Я слышалъ подробныя о семъ извѣстія опъ Графа Сегюра, бывшаго Посломъ при Екатеринѣ, въ домѣ котораго для перваго ночлега отвели мнѣ квартиру, ибо комната моя въ Элизе-Бурбонъ не была еще готова. Онъ меня принялъ посреди многочисленнаго собранія, у него находившагося, и встрѣтилъ сими словами: »Вы еще слишкомъ молоды, чтобы помнить то время, когда я »былъ въ Россіи.« Я отвѣчалъ, что пребываніе его оставило въ памяти сооте-чественниковъ моихъ неизгладимые пріятные слѣды. Хотя я и замѣтилъ, что нѣкоторымъ изъ гостей, преимущественно изъ молодыхъ, не совсѣмъ утѣшительно было смотрѣть на мой Русскій мундиръ: однако же, извиняя сіе весьма естественное чувство народной гордости, я симъ не заботился, и съ часъ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ разговоры моего почтеннаго хозяина, пользовавшагося расположеніемъ Екатерины, Вашингтона и Наполеона, и который, будучи Посломъ, изгнанникомъ, царедворцемъ

и государственнымъ человѣкомъ, не преставалъ обогащать ученый свѣтъ сочиненіями, и такъ устроилъ жизнь свою, какъ будто бы она исключительно посвящена была Наукамъ. Мнѣ кажется, что одно изъ самыхъ пріятныхъ явленій въ мірѣ есть мужъ преклонныхъ лѣтъ, который съ спокойствіемъ взираетъ на закатъ дней своихъ, въ увѣреніи жить долго въ памяти людей не по однимъ скороисчезающимъ словеснымъ преданіямъ, но по подвигамъ своимъ, или по произведеніямъ ума и воображенія.

На другое утро Элизе-Бурбонъ наполнился множествомъ иностранцевъ, желавшихъ представиться Государю: тутъ находились и республиканцы, какъ напримѣръ Фуше, которые засѣдали въ кровавомъ судилищѣ Національнаго Конвента, и поклонники различныхъ властей, попеременно обитавшихъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Нельзя было безъ любопытства смотрѣть на лица сіи, коихъ имена были болѣе или менѣе извѣстны по Исторіи послѣднихъ тридцати лѣтъ. Къ обильнымъ происшествіямъ сей достопамятной эпохи недоставало только, кажется, видѣть сихъ людей въ пріемныхъ залахъ Русскаго Монарха, гдѣ они стояли

смѣшавшись съ Прусскими и Англійскими офицерами. Государь обнялъ Блюхера, который, въ продолженіе послѣднихъ войнъ, при каждомъ случаѣ обнаруживалъ особенную свою приверженность къ Императору: »Онъ мой судья, говаривалъ »сей полководецъ: я опъ него принимаю »охотно и выговоры и награды.«—Генералу Ципену, споявшему подлѣ меня, Государь сказалъ: »Я васъ зналъ Капитаномъ въ походѣ 1807 года: погда мы »были въ другихъ обстоятельствахъ; но »не стыдно признаваться въ неудачахъ »для тѣхъ, которые успѣли воспользо»ваться уроками.«

По окончаніи аудіенціи, явился ко мнѣ человѣкъ во Французскомъ генеральскомъ мундирѣ; это былъ Сарразенъ, извѣстный своими похожденіями и разными военными сочиненіями. Когда онъ объяснилъ причину, по которой онъ ко мнѣ пріѣхалъ, я сказалъ ему, что и я намѣренъ воспользоваться симъ случаемъ, чтобы его просить объ одномъ дѣлѣ. — »Приказывайте,« отвѣчалъ онъ.—Въ предисловіи къ походу въ Испанію, продолжалъ я, вы назвали Князя Кутузова бѣглецомъ изъ подъ Аустерлица. Знаете ли вы, кто таковъ былъ спаситель Россіи? —

Изложивъ ему вкратцѣ жизнь нашего Камилла, я заставилъ его признаться, что онъ не имѣлъ понятія ни о свойствахъ, ни о подвигахъ великаго мужа, и дашь мнѣ слово въ слѣдующемъ изданіи — уничтожить сіе неприличное выраженіе.

Въ скоромъ времени Русская армія приблизилась къ столицѣ Франціи, и расположилась въ недальнемъ отъ оной разстояніи; много нашихъ Генераловъ и офицеровъ пріѣхали въ Парижъ; почти у всѣхъ былн въ семъ городѣ прошлогодніе знакомые и связи: человѣкъ такъ легко привыкаетъ къ самымъ чрезвычайнымъ случаямъ жизни, что посѣщать вооруженною рукою Парижъ, и быть намъ домашнимъ человѣкомъ во многихъ семействахъ казалось тогда самою простою вещію. Поутру находились въ Элизе-Бурбонъ тѣ же самыя лица, которыя прежде съѣзжалися въ Секретарской комнатѣ Зимняго дворца; для каждаго начались, какъ бы посреди мира, обыкновенныя занятія по службѣ; по окончаніи которыхъ наслаждались удовольствіями, во множествѣ представляющимися въ Парижѣ. Между тѣмъ Союзныя Державы вели переговоры, душею коихъ былъ Государь, подобно тому, какъ въ продолже-

ніе походовъ Онъ былъ душею всѣхъ военныхъ дѣйствій. Когда придетъ время поднять завѣсу, сокрывающую тайныя пружины происшествій той эпохи, то увидятъ, что вся Европейская политика вращалась около Александра.

Одно, что напоминало нѣкоторымъ образомъ войну, это были маневры, которые производили, въ присутствіи Монарховъ, Прусскія и Англійскія войска, занимавшія Парижъ. Появленіе послѣднихъ на твердой землѣ было столь необыкновенно, что нельзя было на нихъ смотрѣть безъ особеннаго вниманія. Они недавно еще почитались неспособными къ сухопутной службѣ, ибо послѣ Марлбруга прошло уже столѣтіе а нынѣ подвигами своими, подъ предводительствомъ Веллингтона, они заняли мѣсто на ряду съ лучшими арміями. Видъ Англійскихъ солдатъ мужественный; они одѣты покойно, но не красиво; маневрируютъ съ точностію, но одиночная выправка не удовлетворяетъ требованіямъ нашей рекрутской школы; лошади, сбруя, артиллерія въ совершенствѣ. Веллингтонъ отдаетъ повелѣнія свои хладнокровно. Адъютанты его и офицеры его Штаба, коихъ число въ сравненіи съ про-

чими арміями весьма ограниченно, не сустливы, и хотя внѣ службы къ начальнику своему кажутся не совсѣмъ почтительны, но передъ войсками приказанія его принимаютъ съ возможнымъ уваженіемъ, и развозятъ ихъ съ неимовѣрною быстротою на прекрасныхъ лошадяхъ своихъ.

Вмѣстѣ съ Англичанами учился корпусъ Нидерландскихъ войскъ, которыя казались въ ремеслѣ своемъ столь же новы, какъ и самое политическое существованіе Королевства ихъ. Подлѣ нихъ находился обыкновенно отрядъ Брауншвейгскихъ войскъ, одѣтыхъ въ черные мундиры, въ киверахъ, украшенныхъ мертвыми головами, надъ которыми развѣвались черныя перья. Флеровая повязка на рукѣ каждаго офицера и солдата означала трауръ по убитомъ при Катръ-Бра Герцогѣ ихъ, и умножала мрачный видъ ихъ войскъ. Посреди маневрировавшихъ полковъ арміи Веллингтона, множество Англичанокъ съ бодростію ѣздили верхомъ, не страшась пальбы; изъ сихъ островитянокъ двѣ ни на шагъ не отлучались отъ Фельдмаршала. Во время смотровъ, толпы Французовъ съ равнодушіемъ и съ любопытствомъ, которое

можно только объяснить тѣмъ, что они лишены истинныхъ чувствъ народной чести, по нѣскольку часовъ смотрѣли на движенія, производимыя побѣдителями ихъ на тѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ еще такъ недавно видѣли они отечественные орлы свои, съ побѣдою носимые изъ одной столицы Европы въ другую.

Въ одно утро мнѣ надобно было ѣхать къ знаменитому Живописцу Жерару, который писалъ портретъ Государя. Лѣстницы, переднія, галлереи его дома, все обнаруживаетъ жилище Художника: вездѣ древнія вазы, статуи, барельефы. Жераръ, какъ и всѣ его соотечественники, говорилъ о Государѣ съ восхищеніемъ. »Принимаясь за портретъ, сказалъ онъ, я »былъ въ недоумѣніи, какіе предметы по»мѣстить около Императора; ибо Его »Величество не одобрилъ первоначальной »мысли моей — изобразить Его посреди »Парижа. Я намѣренъ былъ представить »равнины Россіи, потомъ думалъ я напи»сать богиню мира съ ея принадлежно»стями; но все это казалось мнѣ обыкно»веннымъ и недостойнымъ единственнаго »мужа, котораго черты надлежало кисти »моей передать потомству; для сего рѣ»шился я начертать только одного

»Александра.« Вотъ какимъ образомъ онъ сіе выполнилъ. Императоръ, въ конномъ зеленомъ мундирѣ, шляпа съ бѣлымъ перомъ лежитъ у ногъ Его, лѣвая рука на сфесѣ шпаги; вокругъ Него свирѣпствуетъ буря; внизу густыя черныя облака; сквозь оныя сверкаетъ молнія, освѣщающая горизонтъ, гдѣ лице Государя является въ свѣтѣ шѣмъ болѣе яркомъ, что свѣтъ сей находится въ рѣзкой противоположности съ мракомъ, покрывающимъ нижнюю часть картины. Видъ Монарха и взглядъ Его важенъ, и хотя сходство неразительно, но характеръ Его выраженъ вполнѣ. Таковымъ видѣли мы Его въ ту минуту, когда, ведя войска на приступъ Лейпцига, Онъ приказывалъ Генералу Толю отправиться къ Саксонскому Королю и требовать, чтобы онъ сдался, или когда подъ Феръ-Шампенуазомъ Онъ атаковалъ лично карен непріятельскіе, или когда на высотахъ Бельвиля говорилъ съ посланными Парижа. »Я не хотѣлъ, сказалъ Жераръ, »изобразить на устахъ Его улыбку, какъ »сдѣлалъ Изабе, коего миніатюрные порт»треты могутъ служить только для »перстней или табакерокъ, потому что »мое намѣреніе было представить героя,

»повелѣвающаго вселенной и посящаго въ »себѣ судьбы ея.«

Жераръ водилъ меня по своей мастерской и сказалъ: »Вотъ Велисарій, кото»рому я обязанъ тѣмъ, что сдѣлался из»вѣстнымъ; а сія картина познакомила »меня съ Наполеономъ: она представляетъ »то мгновеніе Аустерлицкаго сраженія, »когда Генералъ Раппъ доноситъ Импера»тору, что Французскія войска одержали »побѣду. Послѣ окончанія сей картины »Наполеонъ давалъ мнѣ очень много пору»ченій, и я бы былъ неблагодаренъ, если »бы не признавался, сколько я обязанъ »ему и его фамиліи. Я съ нимъ часто »говаривалъ о живописи и нѣсколько разъ »писалъ его портреты; онъ не могъ пер»пѣть, чтобы ему смотрѣли въ глаза.« Въ мастерской его находились портреты Короля Прусскаго, погдашняго Наслѣдна-го Шведскаго Принца, Фельдмаршаловъ Веллингтона и Шварценберга, и другихъ знаменитыхъ особъ. Примѣчательно, что Французы, издающіе въ свѣтъ посредствомъ гравировки и литографіи произведенія своихъ Художниковъ, не вздумаютъ напечатать такимъ образомъ портретовъ Жерара, писанныхъ имъ во время двукратнаго занятія Парижа Союзными вой-

скими. Это происходитъ отъ какой-то застѣнчивости, посредствомъ которой они надѣются, вѣроятно, сокрыть отъ потомства космополитизмъ первостепеннаго ихъ Живописца, коего кисть трудилась надъ изображеніемъ побѣдителей ихъ отечества.

Черезъ мѣсяцъ послѣ въѣзда Государева въ Парижъ, то есть 29 Іюля, третія гренадерская и вторая кирасирская дивизіи входили съ торжествомъ въ сію столицу, и въ другой разъ развѣвался тамъ наши знамена.

ГЛАВА VI.

Состояніе Парижа. — Вѣтреность Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военные. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лабедоеромъ. — Чернь Парижская. — Бурбоны. — Герцогиня Орлеанская. — Тюльерійскій дворецъ.

Состояніе Парижа въ 1815 году весьма различествовало отъ того, въ которомъ мы нашли его въ предъидущемъ году. Тогда Французы, утомленные двадцати-пяти лѣтними переворотами и безпрерывными войнами, пожавшими милліоны людей, надѣялись найти ручательство своего спокойствія въ правленіи Бурбоновъ. По сей причинѣ всѣ сословія гражданъ желали возвращенія стариннаго Дома своихъ Королей, хотя не всѣ съ равнымъ усердіемъ и равною къ нимъ преданностью, но всѣ съ одинаковымъ ожиданіемъ кротkаго правленія, соотвѣтствующаго духу времени и положенію, въ которомъ находилося ихъ отечество.

Обманутые въ своихъ надеждахъ, они рукоплескали при появленіи знаменитаго изгнанника съ острова Эльбы, при которомъ надѣялись, ежели не возвратить упраченную славу, искупленную слишкомъ дорогою цѣною, то по крайней мѣрѣ пріобрѣсти твердое правленіе, основанное на началахъ, удовлетворявшихъ ихъ желаніямъ. Но въ семъ случаѣ они нашли сопротивленіе въ Державахъ всей Европы, рѣшительно объявившихъ на Вѣнскомъ Конгресѣ, что онѣ почитаютъ владычество Наполеона несовмѣстнымъ съ общимъ спокойствіемъ. Побѣда при Ватерло утвердила сіе объявленіе, и Бурбоны возвратились во Францію уже не по единодушному желанію народа, какъ въ прошломъ году, но по волѣ Союзныхъ Монарховъ, отъ чего возникъ духъ междоусобій, распрей и даже вражды въ семействахъ, который мы нашли въ броженіи и который, возрастая постепенно и укрѣпляясь безпрестанно, по прошествіи пятнадцати лѣтъ обрекъ потомковъ святаго Лудовика на вѣчное изгнаніе.

Франція представляла въ семъ отношеніи любопытное зрѣлище, ибо, по врожденному въ насъ свойству, мы охотнѣе смотримъ на народъ, обуреваемый стра-

стями, нежели на страну, гдѣ царствуетъ тишина, подобно тому, какъ мы съ большимъ удовольствіемъ останавливаемся на берегу моря, когда волны сильно воздымаются, нежели когда необъятная поверхность водъ его ничѣмъ не колеблется. Въ это несчастное время вѣтреность Французовъ явилась въ полномъ торжествѣ. Не смотря на то, что столица ихъ и часть Государства были заняты чужестранными войсками, что во многихъ мѣстахъ свирѣпствовали бунты, осаждали крѣпости на сѣверной границѣ и кровь десятковъ тысячъ жертвъ дымилася на поляхъ Линьи и Ватерло, театры и кофейные домы наполнены были народомъ, и радостныя толпы покрывали гульбища. Въ Журналахъ помѣщаемы были статьи столь же обширныя о комедіяхъ, какъ и о священномъ дѣлѣ отечества; бѣлые или красные цвѣты на какой нибудь актрисѣ почитались важнымъ событіемъ и производили жаркіе споры, ибо зрители не соглашалися въ заключеніяхъ, выводимыхъ изъ сихъ цвѣтовъ, къ какой партіи принадлежитъ актриса, къ приверженцамъ ли Бурбоновъ, или бывшаго Императора. Словомъ сказать, ежели бы кого нибудь, незнавшаго предшествовав-

нихъ происшествій, привезши въ Парижъ, то онъ сказалъ бы, что конечно прошло очень много времени съ тѣхъ поръ, какъ бѣдствія не касались земли, коей городъ сей есть столица.

Нельзя было смотрѣть безъ презрѣнія на равнодушіе Французовъ къ тому унизительному положенію, въ которомъ они находилися. Сколько Живописцевъ приносили къ намъ на продажу картины, представляющія вступленіе нашихъ войскъ въ Парижъ и тому подобныя изображенія! Какъ бы поступили у насъ съ Художникомъ, которой бы вздумалъ рисовать какую нибудь побѣду враговъ Россіи, и поднесъ бы имъ такое произведеніе своей кисти? Даже когда нѣкоторые изъ Союзниковъ брали изъ Парижскаго Музеума обратно картины и статуи, имъ прежде принадлежавшія, то Французы не показывали большаго прискорбія, чему я былъ личный свидѣтель, хотя въ послѣдствіи Писатели ихъ и утверждали противное. Не было власти столь священной, надъ которою бы они не издѣвались. Въ одномъ Журналѣ я нашелъ слѣдующее: »Разсматривая »воинскія склонности народа и ролю то »героическую, то шутовскую, которую

»Франція играла на театрѣ Европы въ »продолженіе двадцати пяти лѣтъ, я ду»маю, что ей необходимо имѣть такого »Короля, который бы умѣлъ хорошо »ѣздить верхомъ, — посему я предлагаю »избрать Королемъ нашимъ берейтора »Франкони!«

Въ сихъ обстоятельствахъ одни военные сохранили нѣкоторое достоинство характера и чувство собственнаго къ себѣ уваженія. Они виновны въ томъ, что пристали къ Наполеону при появленіи его во Франціи съ острова Эльбы, хотя и увѣряютъ, что они руководствовались въ семъ поступкѣ надеждою возстановить утраченную славу ихъ оружія. Не входя въ разсмотрѣніе, до какой степени они преступны, нельзя однако же не отдать справедливости непріятелямъ, долгое время противъ насъ сражавшимся, — что они, видя бѣдствія своего отечества, являли въ поведеніи своемъ совершенную противоположность съ прочими своими согражданами. Пріятно было встрѣчать военныхъ, ходившихъ съ мрачнымъ видомъ, и блѣднѣвшихъ при взглядѣ на Русскій мундиръ. Впрочемъ въ этомъ году они были несравненно скромнѣе, нежели въ прежнемъ;

тогда они воображали, что слѣпой случай или измѣна привели насъ въ столицу ихъ; но теперь они убѣдились, что силы Франціи ничтожны передъ силами Союзниковъ. Во всѣхъ случаяхъ они оказывали намъ примѣрную вѣжливость, и не искали, какъ въ прошломъ году, поводовъ къ поединкамъ. Въ Театрахъ они принимали съ воспоргомъ всѣ выраженія, относившіяся къ чести Франціи, и заставляли актеровъ повторять тѣ слова, которыя оную напоминали.

Извѣстіе о взятіи Наполеона Англичанами, произвело на нѣсколько дней уныніе въ Парижанахъ: казалося, что они забыли зло, симъ человѣкомъ причиненное, а только сохранили въ сердцахъ признательность за славу, которою онъ ихъ озарялъ. Издатели Журналовъ всѣхъ почти партій, какъ бы по взаимному условію, прекратили свои распри; ненависть на минуту почила при воззрѣніи на несчастіе, постигшее необыкновеннаго человѣка, котораго судьба принудила отдаться въ руки люттѣйшимъ врагамъ его. Послѣдняя особа его семейства, оставшаяся въ Парижѣ, извѣстная любезностію и дарованіями своими Принцесса Гортензія, отправилась тогда изъ сей

столицы въ Швейцарію — съ Русскимъ паспортомъ.

Около этого времени обнародованъ былъ списокъ тѣмъ, которые принимали наибольшее участіе въ происшествіяхъ 20 Марта; однихъ приговорили къ изгнанію, а другихъ подвергнули суду, начавшемуся съ Лабедоера, который съ полкомъ своимъ, стоявшимъ въ Греноблѣ, первый перешелъ на сторону Наполеона. Судъ производился публично, и въ засѣданія онаго впускали по билетамъ, которые, какъ примѣтно было, раздавались большею частію иностранцамъ и приверженцамъ Бурбоновъ. Нѣсколько офицеровъ Королевской гвардіи вели себя неблагопристойно, обнаруживая мнѣнія свои смѣхомъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ разсуждаемо было о жизни человѣка. »Взгляните на »послѣдствія его поступка, сказалъ обви»нитель: всѣ узы гражданства во Фран»ціи разторгнуты; она повержена подъ »иго чужеземцевъ, междоусобная война пы»лаетъ повсюду, отечество стоитъ на »краю погибели.«— Предсѣдатель спросилъ Лабедоера, обвиненнаго въ измѣнѣ противу государства, что онъ имѣетъ сказать въ свое оправданіе. Лабедоеръ, прекрасный тридцати-лѣтній мужчина, ода-

ренный краснорѣчіемъ, отвѣчалъ: »Не »запираюсь въ преступленіи; но скажу »слабымъ голосомъ смерти, что вина »моя не можетъ отнять у меня чести, »которую я долженъ передать непосрам»ленною женѣ моей и сыну моему. Я обя»занъ ее защищать, дабы сынъ мой, до»стигнувъ до возраста, когда онъ посвя»титъ себя на службу отечества, не »былъ при самомъ вступленіи въ оную »покрытъ стыдомъ.« Онъ старался доказать, что преступленіе можетъ существовать, а человѣкъ, оное совершившій, быть невиненъ; въ примѣръ поставлялъ онъ себя. Для сего онъ предпринялъ изложить положеніе, въ которомъ находилось нѣкогда отечество его; но едва успѣлъ онъ сказать, »что послѣ желаннаго всѣ»ми возвращенія Бурбоновъ общее мнѣніе »начало противъ нихъ обнаруживаться, »оказались повсюду неудовольствія, осо»бенно въ войскахъ,« какъ слушатели изъявили свое неудовольствіе, и Предсѣдатель, прервавъ его рѣчь, совѣтовалъ ему не отступать отъ предмета своего и довольствоваться личнымъ защищеніемъ своимъ. Лабедоеръ замолчалъ, спряталъ бумагу, на которой рѣчь его была написана, и сказалъ: »Тотъ, кто многократно

»предводительствовалъ храбрыми людь»ми къ смерти, будетъ умѣть и самъ »оную встрѣтить. Я не говорю, чтобы »я не сдѣлалъ преступленія, въ которомъ »меня обвиняютъ; но утверждаю, что »я не виновалъ и не потерялъ чести. »Мнѣ поручили, присовокупилъ онъ, усми»рить духъ седьмаго линѣйнаго полка, »коего я былъ начальникъ, но могъ ли я »заставить солдатъ забыть имя полко»водца, водившаго ихъ въ побѣдѣ въ тече»ніе пятнадцати лѣтъ?«

Въ одномъ Журналѣ, который въ продолженіе сего суда принималъ сторону обвиненнаго, была помѣщена между прочимъ слѣдующая статья, обнаруживающая духъ, господствовавшій во Франціи: »Лабедоеръ служилъ въ молодыхъ лѣтахъ »подъ знаменами Наполеона. Людовикъ XVIII »извѣстенъ ему сталъ только за десять »мѣсяцевъ. Прежній Монархъ его, кото»раго отреченіе отъ престола казалося »ему вынужденнымъ, является предъ нимъ. »Онъ привыкъ долгое время почитать »законнымъ Государемъ того, котораго »всѣ Державы такovымъ признали, и мы»сли сіи пробуждаютъ въ немъ еще не»угасшую къ нему привязанность. Блескъ »воинской славы прежняго его Монарха

»отъ заточенія и несчастія возвеличи»вается въ глазахъ его приверженныхъ, и »дѣйствуетъ на пламенное воображеніе, »которое увѣряетъ ихъ, будто онъ »повинуется гласу долга, въ то самое »время, когда они попираютъ ногами свя»щеннѣйшія обязанности. Нельзя въ одинъ »день истребить предразсудковъ своихъ, »перемѣнить мнѣнія, наклонности и образъ »мыслей, справедливо или ложно основан»ныхъ, но укрѣпленныхъ временемъ. Въ »семъ состоитъ его истинное престу»пленіе, но всѣ Французы оное раздѣляли.«

Таковыя выраженія и подобныя имъ, помѣщаемыя въ другихъ ежедневныхъ Вѣдомостяхъ, имѣли цѣлію не столько оправдывать обвиненныхъ, сколько раздувать пламень раздоровъ, усиливавшійся еще по той причинѣ, что вслѣдъ за казнію Лабедоера начали судить сообщниковъ его, въ числѣ коихъ находился и Маршалъ Ней, чтимый во Французской арміи однимъ изъ храбрѣйшихъ Генераловъ. Хотя доказательства вѣтрености высшаго и средняго сословій Парижанъ, были очевидны, однако же не надобно было терять изъ вида, что въ Парижѣ находилося двѣсти тысячъ человѣкъ, неимѣвшихъ ни Вѣры, ни чести, ни на-

дежнаго пропитанія, и возросшихъ посреди кровопролитій революціи, которыхъ легко можно было взволновать: развратная чернь сія, способная на всякія преступленія, имѣла по почамъ сходбища въ предмѣстіяхъ города, издѣвалася на улицахъ надъ солдатами Королевской гвардіи, съ жадностію внимала чтенію Журналовъ, издаваемыхъ демагогами, и при всякомъ случаѣ оказывала неуваженіе къ законному своему Правительству. Положеніе многочисленной необузданной толпы сей, содержимой въ уздѣ присутствіемъ Союзныхъ армій, можно было уподобить хищному звѣрю, гложущему цѣпь, къ которой онъ прикованъ, по готовому при первой возможности предаться врожденной ярости своей. Въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, Государь, получавшій нерѣдко разнаго рода предосперегательныя извѣстія, не подавалъ вида, чтобы Онъ чего либо опасался: ходилъ по Парижу пѣшкомъ, прогуливался ежедневно по Елисейскимъ полямъ верхомъ, въ сопровожденіи одного только конюшаго, и ѣздилъ по городу въ каретѣ, запряженной двумя лошадями, съ двумя лакеями Французами, и съ кучеромъ Французомъ же, безъ всякаго прикрытія. Караулъ въ

Элизе-Бурбонъ содержали попеременно Прусаки и Англичане, и только на ночь присоединяли къ нимъ со стороны сада нѣсколько лейбъ-казаковъ.

Бурбоны жили уединенно, какъ и въ первый годъ своего возвращенія въ Парижъ: окруженные своими приближенными, неоставлявшими ихъ въ изгнаніи, они казалися странниками посреди народа, надъ коими предки ихъ владычествовали многія столѣтія. Лудовикъ XVIII былъ вообще уважаемъ, но члены его семейства не пользовались приверженностію народа; я видѣлъ Французовъ, бившихся объ закладъ, что по выступленіи Союзныхъ войскъ изъ Франціи, они не удержатся на престолѣ своемъ. Мнѣ случилося въ это время имѣть порученіе къ вдовствующей Герцогинѣ Орлеанской, супругѣ извѣстнаго въ революціи Эгалите, почитавшейся одною изъ умнѣйшихъ особъ Королевской фамиліи. Она была за столомъ, когда я пріѣхалъ, но велѣла меня тотчасъ къ себѣ пригласить, и посадила меня подлѣ себя: между тѣмъ, какъ она читала письмо, которое я ей вручилъ, я могъ взглянуть на особъ, составлявшихъ ея общество. Тутъ находились единственно старики, которыхъ, по пла-

тью и по пріемамъ, легко было признать за придворныхъ, образовавшихся въ Версальскихъ передшихъ. При семъ родилась естественно мысль, что ежели общество отличнѣйшей особы дома, сполъ близкаго по родству съ Бурбонами, заключалося въ людяхъ, чуждыхъ своему вѣку и понятіямъ своихъ современниковъ, то каково же оно должно быть у прочихъ лицъ сего семейства?

Любопытство завело меня однажды въ Тюльерійскій дворецъ. Я видѣлъ оный въ царствованіе Наполеона, окруженный пѣшими и конными часовыми его гвардіи, отличавшейся воинскою осанкою. Теперь около него не было никого, кромѣ толпы праздныхъ людей, прогуливавшихся по саду и по Карусельской площади. Въ передней залѣ стоялъ караулъ, и трое гвардейцевъ, отроческихъ лѣтъ, вызвались быть моими вожатыми; но они не знали дороги въ семъ огромномъ замкѣ, и едва мы вступили во вторую комнату, какъ престарѣлый кавалеръ ордена Святаго Лудовика закричалъ: »сюда не ходятъ!« и даже не приподнялся со стула, хотя я ему показалъ свой билетъ, на которомъ написано было, что я Капитанъ гвардіи Россійскаго Им-

ператора, по есть Монарха, по милости котораго дворецъ сей возвращенъ былъ законнымъ своимъ владѣтелямъ. На карнизахъ, на дверяхъ и на люстрахъ сіяли вензеля Наполеоновы, а на стѣнахъ висѣли картины, изображающія его походы, о которыхъ проводники мои не имѣли ни какого понятія. Такимъ образомъ, когда мы остановились подлѣ картины сраженія Прейсишъ-Эйлаускаго, они говорили мнѣ съ увѣренностію, свойственною Французамъ, что это одна изъ битвъ Египетской войны. По дворцу ходило нѣсколько военныхъ, неопрятно одѣтыхъ; между ними я не встрѣтилъ ни одного степеннаго человѣка. Комнаты были не чисты, мебель стояла не на своихъ мѣстахъ, и все являло видъ какого-то неустройства и разрушенія.

ГЛАВА VII.

Смотръ при Вертю 26 Августа. — Второй смотръ 29 Августа. — Обѣдня въ лагерѣ. — Иностранцы, находившіеся въ Вертю. — Обѣденный столъ для Русскихъ.

Прежде возвращенія арміи нашей изъ Франціи, Государю угодно было сдѣлать ей общій смотръ, при которомъ не могъ шокмо быть корпусъ Графа Ланжерона, расположенный около Французскихъ крѣпостей. Первоначально положено было произвести оный въ началѣ Августа подъ Феръ-Шампенуазомъ, гдѣ въ прошломъ году одержана побѣда надъ Французами; но потомъ отмѣнили сіе на нѣсколько недѣль для того, чтобъ дать время крестьянамъ убрать съ полей хлѣбъ, и вмѣсто Феръ-Шампенуаза, избрали въ Шампани, близъ города Вертю, лежащаго между Эпернеемъ, Бріеномъ и Шалономъ, необозримую равнину, посреди которой находится гора, называемая Мон-

шеме. Между шѣмъ, какъ армія туда собиралась, въ Главной квартирѣ дѣлали чертежи, какъ разставить войска и какія имъ производить движенія, и составляли командныя слова для каждаго корпуса порознь. Государь лично входилъ во всѣ подробности, до сего смотра касающіяся, ибо Онъ хотѣлъ представить армію Свою передъ глаза и, такъ сказать, на судъ всей Европы.

25 Августа Его Величество отправился изъ Парижа въ Вершю. На другой день, то есть Августа 26 былъ примѣрной смотръ, на которомъ никого, кромѣ Русскихъ, не находилось; а 29го былъ другой, въ присутствіи Союзныхъ Государей и множества иностранцевъ, которыхъ для сего пригласили; 30го же церковный парадъ. Въ строю было семь конныхъ и одиннадцать пѣхотныхъ дивизій, при полка казаковъ, двѣ роты піонеръ, одна рота саперовъ и пять-сотъ сорокъ орудій, всего 150.554 человѣка, въ числѣ коихъ восемьдесятъ семь Генераловъ, 433 Штабъ-офицеровъ и 3980 Оберъ-офицеровъ.

26го. Въ шесть часовъ утра мы поѣхали на гору Монтеме, передъ которою выстроена была армія слѣдующимъ обра-

зомъ: кор-де-башаль состоялъ изъ трехъ пѣхотныхъ корпусовъ, расположенныхъ въ три линіи. Правымъ крыломъ начальствовалъ Дохтуровъ, лѣвымъ Раевскій, а центромъ Сакенъ. За ними находились вторая драгунская дивизія подъ начальствомъ Корфа, за которою стояли въ резервѣ гренадерскій корпусъ Ермолова и пѣхотный Сабанѣева, и два кавалерійскіе корпуса подъ командою Винценгероде и Графа Палена. Въ семъ порядкѣ мы увидѣли армію, занимавшую пространство на нѣсколько верстъ, и ожидавшую съ благоговѣніемъ пріѣзда Государева. Ясное небо и лучи солнца, отражаемые оружіемъ, придавали зрѣлищу сему необыкновенный блескъ, и всѣ были поражены столько симъ величественнымъ зрѣлищемъ, что когда въѣхавши на Монтеме, взглянули на армію, то произошло невольное молчаніе, а послѣ показалась на устахъ каждаго улыбка, означавшая, что всякой гордился быть Русскимъ. Сигналы для команды дѣлаемы были пушечными выстрѣлами изъ орудія, стоявшаго на Монтеме. Первый выстрѣлъ возвѣстилъ прибытіе Государя; войска взяли ружье на плечо; по второму сдѣлали на караулъ; громкое ура раздалось по рядамъ,

зайграла музыка и загремѣли барабаны и трубы. По третьему выстрѣлу взяли на плечо, и поспроились въ баталіонныя колонны, а по четвертому вся армія начала строить каре, коего три стороны состояли изъ пѣхоты, а четвертая изъ конницы; передъ одною изъ пѣхотныхъ линій стояло десять ротъ конной артиллеріи. Государь въ сіе время спустился съ горы, и объѣхавъ, при радостныхъ кликахъ, весь каре, остановился въ срединѣ онаго; армія прошла церемоніяльнымъ маршемъ мимо Его Величества, сперва гренадеры, потомъ линѣйная пѣхота, за оною конница, а въ слѣдъ конная резервная артиллерія. Послѣ сего Государь изволилъ возвратиться на Монтеме, а войска стали въ тотъ же боевой порядокъ, въ коемъ были съ самаго начала, по пушечному выстрѣлу сдѣлали на караулъ, и снова загремѣла музыка и барабаны, и снова ура наполнило воздухъ.

Нѣтъ примѣра, чтобы столь великое число войскъ было собрано для смотра, и никогда смотръ не происходилъ за нѣсколько тысячъ верстъ отъ отечества, въ землѣ, не задолго еще почитавшейся непобѣдимою! Что передъ онымъ лагерь Булонскій? Невозможно видѣть лучшей

опрятности людей, состоянія оружія, общаго устройства и наружной красоты. Полки доведены до такого совершенства, что они всѣ равны; нельзя сказать, чтобы одинъ былъ лучше другаго. Русскіе офицеры почти избалованы точностію, съ какою производится у насъ движеніе войскъ; но построенія, которыя произведены въ этотъ день, превзошли наши чаянія. Нѣкоторымъ пѣхотнымъ полкамъ надлежало при образованіи карея проходить три съ половиною версты; конная артиллерія неслась по сему пространству во весь опоръ; но порядокъ и быстрота, съ которыми войска слѣдовали къ назначеннымъ имъ мѣстамъ, доказали, что всѣ и каждый знаетъ свое дѣло. Удивительнѣе всего было, что углы карея составлялись въ одно время какъ будто при баталіонномъ ученіи, и что въ продолженіе церемоніяльнаго марша, которымъ проходило болѣе ста семи тысячъ пѣхоты, ни кто не сбился съ ноги. Увѣренность въ себѣ была написана на лицахъ воиновъ: изъ устъ ихъ, кажется, вырывались слова: »кто противъ насъ?« Нѣтъ сверхъ того въ Европѣ и не было арміи, въ которой бы находилося столько отличныхъ офицеровъ и искусныхъ

Полководцевъ, коихъ я не называю, ибо имена многихъ принадлежатъ Исторіи. Государь былъ столь доволенъ смотромъ, что сказалъ: »Я вижу, что Моя армія »первая въ Свѣтѣ; для нея нѣтъ ничего »невозможнаго, и по самому наружному »ея виду ни какія войска не могутъ съ »нею сравниться.«

Вдали видно было поле сраженія Феръ-Шампенуазскаго, которое напоминало одинъ изъ блистательныхъ подвиговъ нашего оружія, особенно для личной славы Александра. Но, при всемъ торжествѣ, можно ли было забыть о Бородинскомъ сраженіи, которому тогда минуло ровно три года? Въ то время села и города пылали отъ Нѣмана до береговъ Москвы рѣки, и на пространствѣ семъ текла кровь Россіянъ. Противу неслыханнаго ополченія враговъ, предводительствуемыхъ вождями, образованными въ побѣдоносныхъ станахъ, заслоняли сто пятнадцать тысячъ нашихъ воиновъ домы сограждан, честь имени своего, гробы родителей, законы, славу и независимость, пріятыя отъ предковъ. Что прочія сраженія противъ Бородинскаго? Что самый день Лейпцигскій, въ который непріятель искалъ не лавровъ, но

спасенія, гдѣ онъ токмо мыслилъ, какъ бы съ честію перейти въ Рейнъ, гдѣ слабѣе въ силахъ, нежели противники его, онъ былъ оставленъ Союзниками своими, и не имѣлъ въ дѣлѣ тѣхъ полчищъ, которыя прежде славились непобѣдимыми, и потомъ истреблены въ Смоленскѣ, въ Тарутинѣ, въ Маломъ Ярославцѣ и въ Красномъ, которыхъ кости сожигаемы были въ кострахъ, а пепелъ разнесенъ вѣтрами далеко отъ земли Русской? При Бородинѣ была битва народовъ, Россіи съ Европою. Если бы грудь Росссіянъ была менѣе тверда, и мудрость Смоленскаго менѣе испытана, то дерзкій иностранецъ, взирая съ Кремлевскихъ стѣнъ на плѣненную столицу, сказалъ бы: »Держава Петра, Екатерины и Александра »была славна, но она сокрушилась подъ »ударами соединенной Европы.«

Сколькихъ героевъ уже нѣтъ посреди арміи сей, которые въ тотъ незабвенный день были оплотомъ отечества! думалъ я, пробѣгая взорами ряды войскъ. Нѣтъ Багратіона, любимца побѣды; нѣтъ Тучкова, Кутайсова, нѣтъ многихъ тысячъ ихъ сподвижниковъ. Можетъ быть, потомство не воздвигнетъ вамъ памятника на томъ мѣстѣ, гдѣ вы пали, но

по крайней мѣрѣ черезъ нѣсколько вѣковъ на холмахъ, орошаемыхъ Колочею, сооружится скромная часовня, имена ваши вырѣжутся на мѣдной доскѣ; странникъ позднихъ лѣтъ будетъ читать ихъ при тускломъ свѣтѣ лампады и унесетъ съ собою въ дальнія страны горсть земли, съ которою смѣшался священный прахъ вашъ. Матери, сестры, невѣсты падшихъ въ битвѣ Бородинской, вы, которыя надъ могилою храбрыхъ проливаете въ сей день слезы и возсылаете моленія къ Нему о успокоеніи душъ ихъ, къ вамъ взываю я! Да слава отечества вашего, симъ войскомъ до вышней степени вознесенная, исполнитъ сердца ваши увѣреніемъ, что месть постигла враговъ, опъявшихъ въ горестное для Россіи время жизнь родныхъ вашихъ и любезныхъ. Въ возмездіе врагамъ, на собственныхъ поляхъ ихъ, празднуемъ мы славу Россіи; воины наши попираютъ ихъ нивы, знамена наши развѣваются на равнинахъ Шампани, и эхо горъ непріятельскихъ принуждено повторять радостное ура, безпрестанно войскомъ произносимое.

На другой и на третій день городокъ Вершю наполнился любопытными изъ всѣхъ состояній и военными въ мунди-

рахъ всѣхъ Европейскихъ Державъ; изъ Парижа пріѣхало много купцевъ съ товарами разнаго рода, и напи маркитанты открыли свои подвижныя лавки посреди лагеря, гдѣ день и ночь все было въ величайшей дѣятельности; всякой начальникъ отдѣльной части войскъ соревновалъ превзойти своихъ товарищей. Въ числѣ почетныхъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Вертю, находилося много строгихъ наблюдателей, желавшихъ лично удостовѣриться въ состояніи нашей арміи, потому что съ давняго времени иностранцы, по какому-то предубѣжденію, привыкли почитать силы Россіи преувеличенными.

29 *Августа.* Смотръ происходилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и 26го, съ тою разницею, что въ присутствіи множества иностранцевъ, прибывшихъ изъ Парижа, изъ Голландіи, изъ Лондона и изъ другихъ мѣстъ. Съ самаго утра Государь находился на Монтеме, передъ которымъ выстраивалась армія, и лишь только завидѣлъ Короля Прусскаго, обнажилъ шпагу, поѣхалъ къ нему на встрѣчу, вручилъ ему строевой порядокъ, а потомъ отдалъ сію же самую почесть Императору Францу. Начальникъ Штаба Его Величества представилъ строевые рапорты

Фельдмаршаламъ Веллингтону, Шварценбергу и Вреде. Во время церемоніяльнаго марша Государь лично предводительствовалъ арміею, и салютовалъ Союзныхъ Монарховъ; Великіе Князья Николай Павловичъ велъ бригаду гренадеръ, а Михаилъ Павловичъ командовалъ пятью ротами конной артиллеріи. Когда Монархи и особы, сопровождавшія ихъ, возвратились послѣ церемоніяльнаго марша на Монтемс, и войска выстроились въ прежній боевой порядокъ, открылся пушечный и ружейный огонь, продолжавшійся двѣнадцать минутъ; воздухъ покрылся дымомъ, за которымъ армія мало по-малу исчезала и наконецъ совсѣмъ закрылась.

Иностранцы были въ удивленіи: съ изумленіемъ смотрѣли они на густые ряды войскъ, проходившихъ мимо ихъ въ неимовѣрномъ устройствѣ. Я неоднократно подъѣзжалъ къ нимъ и вслушивался въ разговоры ихъ, не бывъ ими примѣчаемъ, и всякой разъ слышалъ слова ихъ, что они съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ. Веллингтонъ сказалъ, »что онъ »никогда не воображалъ, чтобы армію »можно было довести до толь великаго »совершенства.« Онъ съ такимъ внима-

нѣмъ считалъ число войскъ, что послѣ смотра замѣтилъ, что въ одномъ конномъ полку не доставало эскадрона, и признался, что онъ полагалъ, видя въ Парижѣ нашу претую гренадерскую дивизію, будто люди для нея были выбраны изъ всей арміи, и что прочія войска не могли съ нею равняться. Каково долженствовало быть его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что ни одна дивизія не уступала гренадерамъ! Спръ Сидней Смитъ, съ обыкновеннымъ ему чистосердечіемъ объявилъ, что смотръ сей есть урокъ, даваемый Императоромъ Россійскимъ прочимъ народамъ.

30 *Августа.* Въ день Александра Невскаго, солнце при самомъ восхожденіи обѣщало благопріятнѣйшую погоду. Посредп прелестной долины, окруженной цѣпью невысокихъ горъ, приготовлено было, по числу корпусовъ, семь палатокъ для Богослуженія; передъ каждою былъ выстроенъ корпусъ, конница безъ лошадей, пѣхота безъ ружей. Государь прибылъ къ гренадерамъ въ восьмомъ часу упра, когда шуманъ покрывалъ горизонтъ; но онъ мгновенно разсѣялся, и представилось зрѣлище, небывалое въ свѣтѣ. Сто пятьдесятъ тысячъ побѣдоносныхъ воп-

новъ, говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну Вѣру, пришедъ изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ Европы въ нѣдра Франціи, ожидаютъ въ безмолвіи не звуковъ веселія, не зову къ кровопролитному бою, но гласа молящихся пастырей, дабы излить сердце свое предъ Всевышнимъ. Началась служба; благоговѣйные звуки священныхъ пѣсней повторялись отголосками; воинство преклонило колѣна, и смиреніемъ своимъ доказало, что оно столь же благочестиво предъ Создателемъ, сколь ужасно въ битвахъ.

Во все время пребыванія нашего въ Вертю были у Его Величества обѣденные столы въ саду, въ которомъ палашки, украшенныя гирляндами и разноцвѣтными огнями, устроены были нарочно славнымъ Архитекторомъ Фонтеномъ. Странная игра судьбы! Архитекторъ сей былъ любимецъ Наполеона, который съ нимъ не рѣдко совѣтовался о сооруженіи памятниковъ, долженствовавшихъ увѣковѣчить царствованіе его. Въ первый день угощали иностранцевъ, въ числѣ которыхъ именитѣйшіе были слѣдующіе: *Австрійцы:* Императоръ Францъ, Наслѣдный Принцъ, Эрцгерцоги: Лудовикъ, Максиміліанъ и Фердинандъ, Фельдмаршалъ Князь

Шварценбергъ, Генералы Дука, Радецкій и Лангенау, Князь Лихтенштейнъ и Графы: Вальмоденъ, Гардекъ и Сенъ-Жюліенъ, Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Врбна и Оберъ-Шталмейстеръ Графъ Траутмансдорфъ. *Прусаки:* Король, Наслѣдный Принцъ, Принцъ Вильгельмъ, Принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій, Генералы: Графъ Таузнцинъ, Гнейзенау, Кнезебекъ, Цитенъ, Лотумъ, Шеллеръ, Пирхъ, Вольцогенъ и Военный Министръ Бойенъ. *Англичане:* Герцогъ Веллингтонъ, Послы: Лордъ Кэткартъ и Лордъ Стуартъ, Генералы: Гиль, Коле, Колонль, Мурай, Кемптъ, Майтландъ, Оллашанъ, Пактъ и Адмиралъ Спръ Сидней Смитъ. *Баварцы:* Принцъ Карлъ, Фельдмаршалъ Князь Вреде, Генералы Бекерсъ, Сейдвицъ, Майлотъ и Папенгеймъ. *Виртембергскій* Наслѣдный Принцъ; Принцъ *Оранскій* и при немъ Генералъ Фагель. *Баденскій* Генералъ Стокгорнъ; *Шведскій* Посланникъ Графъ Левенгельмъ; *Французы:* Дюкъ де Ришелье и Баронъ Дамасъ; сверхъ того Герцогъ *Кобургскій* и братъ его Принцъ Леопольдъ, Принцъ *Гессенъ-Гомбургскій* и многіе другіе.

На слѣдующій день приглашены были къ обѣду Русскіе Генералы, а въ послѣдній, когда иностранцы отправились обращ-

но въ Парижъ, были кромѣ нашихъ Генераловъ, Командиры полковъ и артиллерійскихъ ротъ и Корпусные Оберъ-Квартирмейстеры; за столомъ находилось болѣе трехъ сотъ особъ. Трудно было видѣть почтеннѣе собранія; въ немъ заключалось могущество и слава Россіи, коей сіи офицеры были достойные представители. Бурные послѣдніе годы соединяли ихъ вмѣстѣ: они дѣлили труды и побѣды, они презирали голодъ и непогоды, проходили горы, рѣки и царства, гдѣ предки ихъ никогда не бывали; теперь, благодаря подвигамъ своимъ, они разставалися на долгое время; на лицахъ сихъ отличныхъ мужей начертана была радость, что каждый изъ нихъ исполнилъ обѣтъ свой. Государь передъ столомъ и послѣ онаго подходилъ почти къ каждому изъ сподвижниковъ своихъ, благодарилъ ихъ отъ искренняго сердца и въ такихъ выраженіяхъ, которыя каждому останутся незабвенны. Многіе были глубоко тронуты, и я видѣлъ слезы на глазахъ нѣкоторыхъ: воинъ, сохранившій посреди разсѣянности становъ и между громовъ сраженій чувствительность, будетъ въ дни мира примѣрнымъ гражданиномъ. Покойтесь на лаврахъ вашихъ,

Русскіе офицеры! Вы одни могли совершить то, чему вселенная изумляется; гордитесь содѣяннымъ вами; поздніе потомки будутъ повѣствовать о васъ; да будетъ на всю жизнь воспоминаніе минувшихъ дней залогомъ вашего счастія!

ГЛАВА VIII.

Виды смотровъ Вертю. — Анекдотъ о Наполеонѣ. — Возвращеніе въ Парижъ. — Окончаніе похода 1815 года. — Параллель между Александромъ и Наполеономъ.

Когда иностранцы, бывшіе въ Вертю, разъѣхались, Государь занимался лично выборомъ людей въ гвардію и въ гренадеры; провелъ весь день въ полѣ, былъ отмѣнно веселъ, подъѣзжалъ къ каждому полку, привѣтствовалъ ихъ и наградилъ многихъ Генераловъ. Чтобы сохранить память происходившаго въ Вертю, былъ приглашенъ туда изъ Парижа Живописецъ Пажетти, извѣстный двумя картинами, изъ коихъ одна изображаетъ переходъ непріятельскихъ войскъ черезъ Нѣманъ, а другая молебствіе, бывшее въ Парижѣ въ 1814 году на площади Людовика XV. Онъ нарисовалъ шесть различныхъ видовъ смотровъ, обѣдовъ и литургіи въ Вертю: такимъ образомъ Худож-

нику сему предоставлено было начертать начало великой войны, и окончаніе оной, совершившееся на поляхъ Шампаніи. Счастливъ Писатель, которому удастся передать потомству происшествія сихъ трехъ лѣтъ съ безпристрастіемъ и краснорѣчіемъ Историка!

Архитекторъ Фонтенъ, о которомъ упомянуто было, что онъ устроивалъ садъ и палатки для угощенія, сказывалъ мнѣ, что Наполеонъ прельстился видомъ Москвы, и часто ему про оную говаривалъ. »Сколько колоколенъ въ Парижѣ,« спросилъ онъ у него однажды? — Немного болѣе десяти, отвѣчалъ Фонтенъ. — »Что это противъ Москвы, — возразилъ »Наполеонъ,—гдѣ ихъ сотни; велите вы»золотить куполъ инвалидной церкви.« Приказаніе его было исполнено; но гордый завоеватель, отдавая оное, не воображалъ, что позолота сія, доколѣ она не исчезнетъ, будетъ каждому Русскому, заведенному любопытствомъ или другимъ случаемъ въ Парижъ, напоминать Москву и 1812 годъ, которому нѣтъ равнаго въ лѣтописяхъ міра.

31 Августа вечеромъ мы выѣхали изъ Вершю; скоро взошелъ мѣсяцъ и осребрилъ берега Марны; ночь была прекрас-

ная, и въ моихъ глазахъ довершало прелесть ея множество Русскихъ колясокъ, обгонявшихъ одна другую и ѣхавшихъ по Франціи съ Русскихъ маневровъ. На другое утро мы возвратились въ Парижъ. Такъ кончился походъ сего года, не стоившій арміи нашей почти ни одного выстрѣла, но который пребудетъ важенъ для отечества нашего, потому, что всѣ Державы полагали, что безъ участія Россіи онѣ не могли противиться предпріятіямъ того человѣка, который въ теченіе двадцати лѣтъ, наполнивъ ужасомъ имени своего сосѣднія Франціи земли, поработилъ одну за другою. Когда вновь общая безопасность была угрожаема по отплытіи его съ острова Эльбы, армія наша выступила первая изъ мѣстъ своего расположенія, быстро прошла Германію, и находилася уже на Рейнѣ въ минуту начатія военныхъ дѣйствій, и наконецъ подъ Вержю предстала на судъ Европы, которую она шѣмъ болѣе изумила устройствомъ и многочисленностію своею, что явилась въ семъ блестящемъ видѣ послѣ трехъ самыхъ многотрудныхъ и изнурительныхъ походовъ.

Здѣсь прилично помѣстить параллель

между двумя величайшими мужами нашего времени, Александромъ и Наполеономъ. Появленіе обоихъ въ политическомъ мірѣ было ознаменовано рѣдкими умственными ихъ способностями. Съ перваго шага ихъ на поприщѣ дѣятельности, они обратили на себя всеобщее вниманіе и заняли первыя мѣста въ современной Исторіи. Въ продолженіе жизни ихъ, на мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ ихъ была основана участь вселенной. Наполеонъ явилъ себя въ Италійскихъ походахъ великимъ Полководцемъ, а Александръ, будучи тогда еще Наслѣдникомъ Престола, подавалъ надежду содѣлаться образцемъ кроткихъ добродѣтелей, каковымъ Онъ при вступленіи своемъ на царство дѣйствительно и оказался. Поступки перваго ознаменованы были нѣсколько лѣтъ необыкновенными воинскими доблестями; онъ угрожалъ своею предпріимчивостію и желѣзною волею въ исполненіи своихъ предначертаній, сдѣлаться бичемъ Европы и испровергнуть существовавшій порядокъ. Вникая со вниманіемъ въ узаконенія, изданныя Александромъ въ первые годы Его царствованія, вы найдете черты, которыя могли бы послужить украшеніемъ вѣка Траянова и Антонинова.

Одинъ производилъ удивленіе, другой исторгалъ слезы радости у друзей человѣчества. Необыкновенныя событія, коимъ мы были свидѣтели, не умедлили противуставить сихъ мужей одного другому; борьба продолжалася ровно десять лѣтъ, то есть съ Аустерлицкаго сраженія до вторичнаго вшествія Россіянъ въ Парижъ: это была брань зла съ добромъ, генія войны съ геніемъ мира, и сей послѣдній одержалъ совершеннѣйшую побѣду. Испощивъ всѣ способы снисхожденія, онъ облекся въ силу нравственную; непоколебимость его и постоянство, внушенныя убѣжденіемъ въ правотѣ дѣла сго, сокрушили его противника. Наполеонъ въ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ являлъ малодушіе, а Александръ въ роковой 1812 годъ сохранилъ твердость духа, которой Россія обязана своимъ торжествомъ, и слова: »не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ землѣ »моей,« — послужили основаніемъ новой эпохи для Россіи и для Европы. Во время сей десятилѣтней, почти баснословной войны, слѣды Наполеона были ознаменованы, такъ сказать, огненною чертою; Александръ посреди враговъ своихъ

являлся благодѣтелемъ ихъ края. Въ завоеванныхъ столицахъ Наполеонъ грабилъ дворцы Монарховъ, предавался мщенію и не зналъ мѣры своей надменности. За опустошеніе многихъ областей Россіи, за пожаръ Москвы и за взорванный Кремль Александръ заплатилъ спасеніемъ столицы Франціи, и изумленные Его великодушіемъ непріятели провозгласили Его Царемъ Царей. Ежели бѣдствія, угрожавшія Россіи, не поколебали Его въ 1812 году, то онъ въ Парижѣ показалъ небывалый примѣръ въ лѣтописяхъ міра, что неслыханныя до того побѣды не вселили въ него другаго чувства, кромѣ кротости къ врагамъ и смиренія предъ Богомъ. Сокрушивъ своего противника, долгое время непобѣдимаго, Онъ не мстилъ падшему съ неизмѣрной высоты, и сей, на ужасной скалѣ, о крутые берега коей разбиваются съ шумомъ волны разъяреннаго Океана, покрытый проклятіями полсвѣта, слышалъ слова утѣшенія отъ одного только Александра, которой поручилъ посланному своему на островѣ Св. Елены по возможности облегчать участь плѣнника. »Вы единственное про»видѣніе, оставшееся на землѣ для семей»ства нашего,«—писалъ въ 1814 году братъ

Наполеона, Лудовикъ, къ Государю. Когда Александръ принялъ бразды правленія Европы, Онъ учредилъ Христіанскій Союзъ, и основалъ всеобщій миръ, поддерживаемый имъ всѣми силами, которыя представляла ему обширнѣйшая въ свѣтѣ Имперія. Во время могущества Наполеонова, безчисленныя арміи его блуждали по Европѣ, подобно сынамъ Израиля, покоряя одно государство за другимъ, но милліонъ войскъ, содержимыхъ Александромъ, за что столь несправедливо современники дѣлали Ему упреки, употреблены были исключительно на упрежденіе мира. Да и можно ли было послѣ двадцати-пяти-лѣтнихъ волненій не имѣть Ему обнаженнаго оружія, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ мѣстахъ показывался мятежи, какъ то: въ Неаполѣ, въ Піемонтѣ и въ Испаніи; но они по мановенію Александра исчезали, и Европа, коей дѣла Онъ принялъ въ свою опеку, наслаждалася двѣнадцати-лѣтнимъ миромъ. »Александръ есть мой настоящій преемникъ,« сказалъ Наполеонъ на островѣ святой Елены. Онъ правъ; но Александръ, принявъ Диктаторскую власть въ Европѣ, уподоблялся ясному небу, которое, послѣ свирѣпыхъ бурь, колебав-

шихъ море и угрожавшихъ мореходцу погибелью, даруетъ ему счастливое плаваніе, и несомнѣнную надежду вскорѣ увидѣть берегъ своего отечества. Оба угасли въ цвѣтѣ лѣтъ, далеко отъ столицъ, ими украшенныхъ, ими преобразованныхъ, одинъ подъ знойнымъ Африканскимъ небомъ, а другой на берегахъ Азовскаго моря, почти на предѣлахъ Азіи; одинъ умеръ въ цѣпяхъ, а другой почилъ сномъ праведныхъ.

ГЛАВА IX.

Приготовленія къ отъѣзду. — Выѣздъ изъ Парижа. — Перонпъ. — Камбре и Валансіенъ. — Генералъ Фуль. — Брюссельскій Дворъ. — Поле Ватерловскаго сраженія. — Дорога изъ Брюсселя въ Дижонъ.

Въ первыхъ числахъ Октября мѣсяца мы начали дѣлать приготовленія къ отъѣзду изъ Парижа, ибо наша армія, послѣ смотра при Вертю, немедленно пронулася въ обратный походъ, и только одинъ корпусъ остался въ сѣверной части Франціи, для того, чтобы въ случаѣ могшихъ возникнуть неустройствъ, тотчасъ прекратить оныя. Сверхъ того, 13 Сентября назначено было открытіе Французскихъ Палатъ, и къ сему дню Государю угодно уже было находиться внѣ Парижа, чтобы предоставить Лудовику XVIII дѣйствовать совершенно какъ независимому Монарху, по своему усмотрѣнію. Сперва думали ѣхать въ Дижонъ, потомъ въ Брюссель, оттуда чрезъ Франкфуртъ и

Барейшъ, въ Прагу, Бреславль и Берлинъ; но потомъ перемѣнили сіе предположеніе, съ тѣмъ, чтобы изъ Парижа отправившься въ Брюссель, оттуда на смотръ Австрійской арміи въ Дижонъ, а въ заключеніе черезъ Швейцарію и Богемію въ Берлинъ и въ Варшаву. Маршрутъ для путешествія по Швейцаріи съ означеніемъ всего, что заслуживало вниманія, былъ написанъ Лагарпомъ.

13 Сентября мы отправилися изъ Парижа рано поутру, когда еще столица сія погружена была во снѣ; проѣзжая по пустыннымъ въ то время улицамъ ея, и смотря впослѣдніе на великолѣпныя ея зданія, нельзя было не ощущать разныхъ впечатлѣній, возбужденныхъ трехъмѣсячнымъ пребываніемъ въ Парижѣ, котораго имя сопряжено нынѣ навѣки со славою Россіи. На первомъ ночлегѣ въ Перонѣ помѣщена была на домѣ, въ которомъ Государь изволилъ остановиться, слѣдующая надпись: »Александру »признательная Франція.« Въ семъ городѣ Меръ пригласилъ меня на ужинъ, за которымъ находилися почетнѣйшіе изъ жителей, и я при семъ случаѣ вновь убѣдился, что Французы въ провинціяхъ не имѣютъ собственнаго своего мнѣнія, а

основываютъ политическія сужденія свои на образѣ мыслей Парижанъ. На другое утро мы проѣзжали село Гозонкуръ, коего погорѣвшимъ жителямъ Государь пожаловалъ двѣ тысячи франковъ. Приближаяся къ крѣпости Камбре, которая не сдалась еще Союзникамъ, я намѣренъ былъ объѣхать вокругъ нее, тѣмъ болѣе, что лошади были заготовлены въ полѣ; но ко мнѣ вышли на встрѣчу Депутаты, и просили ѣхать черезъ городъ, на что я согласился. То же предложеніе сдѣлано было мнѣ въ Валансіенѣ, равномѣрно занятомъ Французскими войсками, и въ обѣихъ крѣпостяхъ караулы выходили для меня къ ружью, домы были украшены цвѣтами, улицы усыпаны пескомъ, и народъ, наполнявшій оныя, привѣтствовалъ меня восклицаніями: да здравствуетъ Александръ!

Окрестности Брюсселя прелестны; вездѣ видны прекрасные сады и богатыя селенія: вѣковое благосостояніе сей страны, породившее несмѣтные капиталы разнаго рода, совсѣмъ не пострадало отъ войны, коей она недавно была позорищемъ. На послѣдней станціи Оранскій Принцъ ожидалъ Государя; тутъ же находился Генералъ Фуль, который былъ

извѣстенъ въ началѣ отечественной войны нашей. Въ продолженіе разговора я спросилъ его, почему онъ не носитъ медали, установленной на походъ 812 года. — »Я сохранилъ, отвѣчалъ онъ, въ воспо»минаніе онаго только чистую совѣсть.« — Отъ сей станціи до самаго Брюсселя дорога устлавлена была щегольскими экипажами, выѣхавшими на встрѣчу Императору. Дворецъ Королевскій можно было скорѣе принять за жилище частнаго человѣка: онъ столь тѣсенъ, что для Государя въ немъ не было помѣщенія, а приготовили домъ Маркиза д'Аше. Камергеры, пажи и другіе чины Нидерландскаго Двора не ловки и одѣты не богато; пріемы ихъ обнаруживали, что они еще не привыкли къ придворному ремеслу, которое, какъ и всякое другое, требуетъ многолѣтняго навыка. Легко замѣтить можно было, что большая часть изъ нихъ не потомки феодальныхъ рыцарей, а внуки купцовъ, которые на Амстердамской биржѣ установляли нѣкогда ходъ всемірной торговли. Впрочемъ Дворъ и самое Королевство Нидерландское существовали такъ недавно, что нельзя было быть слишкомъ взыскательну, тѣмъ болѣе, что Правительство нахо-

дилось въ затруднительномъ положеніи; ему предстоялъ чрезвычайно важный прудъ — изгладить ненависть, существовавшую между Голландцами и Бельгійцами.

Всего болѣе, находясь въ Брюсселѣ, желательно мнѣ было видѣть поле Ватерлоскаго сраженія, на которомъ менѣе нежели за три мѣсяца рѣшена была участь Европы. Въ одно прекрасное утро, я отправился, чрезъ Суаньиской лѣсъ, въ село Ватерло, гдѣ предъ сраженіемъ находилась Главная квартира Фельдмаршала Веллингтона. Трактиръ, гдѣ онъ ночевалъ, носитъ его имя: здѣсь я взялъ проводника, который разсказывалъ мнѣ, что во время дѣйствія жители сего селенія находились въ большомъ страхѣ, ибо послѣ обѣда полагали, что Французы одержали побѣду, и обозы Англійской арміи получили приказаніе подаваться назадъ. Отсюда недалеко находится возвышеніе, называемое Монъ-Сенъ-Жанъ; когда Французы достигли до онаго, то полагали уже успѣхъ несомнѣннымъ; но твердость Веллингтона и прибытіе Прусаковъ восторжествовали надъ ихъ усиліями, и они были отбиты. Англійскій Фельдмаршалъ находился при деревнѣ Ла-

ге-Сентъ, и соотечественники его дорогою цѣною покупаютъ у крестьянъ сего селенія деревья, перевозятъ ихъ въ Англію, и сажаютъ въ свои парки, какъ памятникъ народной славы. Въ полуверстѣ отъ Лаге-Сентъ показываютъ мѣсто, гдѣ долго стоялъ Наполеонъ; проводникъ мой находился при немъ, и разсказывалъ мнѣ съ жаромъ, какъ Наполеонъ ободрялъ войска свои, наступавшія на Англійскія баттареи, и съ какимъ восторгомъ колонны отвѣчали на знакомый голосъ своего предводителя, который даже не измѣнился въ лицѣ, когда удостовѣрился, что съ правой стороны его показались Прусаки. Пусть выразитъ живописецъ чувства, обуревавшія въ эту минуту душу гордаго завоевателя, который зналъ, что звѣзда счастія его померкала навѣки съ появленіемъ Блюхера!— Вотъ мѣсто, гдѣ Генералъ Камбронъ, окруженный отвсюду многочисленнымъ непріятелемъ, сказалъ: »гвардія умираетъ, »а не сдается:« выраженіе сіе конечно отзовется въ потомствѣ.—Я заключилъ прогулку мою при деревнѣ Прекраснаго Союза; на трактирѣ оной написано, »что »Фельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ, »встрѣтясь здѣсь, поздравили другъ дру-

»га съ побѣдою.« Тутъ, присовокупилъ проводникъ мой, бѣгство Французовъ было общее, и смятенія ихъ описать невозможно; но Императоръ Французовъ сохранилъ хладнокровіе свое, и поворотивъ лошадь, медленно и въ молчаніи слѣдовалъ за бѣгущими. На полѣ сраженія находятъ множество картечь, пуль, штыковъ, латъ и другихъ воинскихъ снарядовъ, которые жители окрестныхъ селеній продаютъ любопытнымъ путешественникамъ, во множествѣ сюда стекающимся.—Возвращаяся въ Брюссель, я встрѣтилъ Государя съ Принцемъ Оранскимъ, ѣхавшихъ въ Ваперло.

21 Сентября мы отправились изъ Брюсселя въ Дижонъ; на семъ пространствѣ, заключающемъ въ себѣ болѣе пяти сотъ верстъ, ни одинъ вооруженный не сопровождалъ Государя, не взирая на то, что мы ѣхали по землѣ непріятельской, гдѣ умы находилися въ чрезвычайномъ броженіи. Жители отдаленныхъ мѣстъ отъ большой дороги, старые и малые, мужчины и женщины, толпились на почтовыхъ дворахъ, чтобы взглянуть на повелителя Франціи и спасителя ея, какъ они Его называли, подавали Ему просьбы и говорили о своихъ нуждахъ, какъ

настоящему своему Монарху. Къ вечеру втораго дня мы остановились въ Шомонѣ, гдѣ была главная квартира Баварскихъ войскъ, предводительствуемыхъ Фельдмаршаломъ Вреде, однимъ изъ отличнѣйшихъ людей нашего времени, который много способствовалъ къ возвышенію своего отечества: онъ не столько славенъ воинскими подвигами, сколько благоразумнымъ поведеніемъ съ тѣми Державами, съ которыми Баварія находилась въ связяхъ. Наружность его пріятна; онъ прекрасно говоритъ, и содержитъ войско ему ввѣренное въ строгой подчиненности. —Къ великолѣпному ужину, продолжавшемуся часа два, приглашены были всѣ Баварскіе Генералы и Штабъ-офицеры: они съ благоговѣніемъ слушали Государя, очаровавшаго ихъ своею любезностію. На другой день Баварская армія производила маневры въ присутствіи Государя, при началѣ коихъ меня отправили въ Дижонъ — просить Австрійскаго Императора, чтобы онъ не ожидалъ лично прибытія Государева, который, для избѣжанія нарядной встрѣчи, желалъ пріѣхать ночью.—25 Сентября были маневры Австрійскихъ войскъ. Государь при проходѣ полка своего имени, сталъ въ головѣ она-

го и салютовалъ Императору Францу. Такъ какъ мы разставалися на долгое время съ Австрійцами, нашими старинными неизмѣнными Союзниками, то Государь пожаловалъ ордена многимъ изъ офицеровъ ихъ, наиболѣе отличившимся въ послѣднихъ войнахъ.

ГЛАВА X.

Отъѣздъ изъ Дижона. — Люръ. — Базель. — Цирихъ. — Констанцъ. — Линдау.

26 *Сентября.* Мы выѣхали изъ Дижона въ Швейцарію, и имѣли первый ночлегъ въ маленькомъ городкѣ Люрѣ. Всѣ чиновники, находившіеся при Государѣ, отправилися прямо въ Берлинъ, нѣкоторые изъ Брюсселл, а другіе изъ Дижона, такъ, что при Его Величествѣ остался одинъ Начальникъ Штаба Его. Улицы Люра скоро опустѣли, потому что погода была самая бурная, шелъ проливной дождь, ревѣлъ осенній вѣтеръ. Когда пробила полночь, я подошелъ къ окну и увидѣлъ въ домѣ, насупротивъ меня находившемся, Государя, который сидѣлъ за столомъ при двухъ свѣчахъ. Улица была тѣсная, ночь совершенно темная, и картина величайшаго Монарха въ Свѣтѣ, уединенно трудящагося въ глухую бурную ночь, такъ врѣзалася въ моей памяти, что я какъ будто теперь ее ви-

жу: вопъ Онъ пишетъ .... кладетъ перо .... размышляетъ.... опять пишетъ.... Ударило два часа.... Императоръ всталъ и пошелъ въ почивальню. — По выѣздѣ изъ Люра, мнѣ приказано было отправиться впередъ, и извѣстить начальствовавшаго въ Бефорѣ Генерала Лекурба, который прославился во время революціонной войны, чтобы онъ не дѣлалъ Государю ни какого пріема. Неподалеку отъ крѣпости, я встрѣтилъ человѣкъ полтораста Французской конницы, слѣдовавшихъ за каретою, въ которой сидѣлъ Генералъ, и я узналъ въ немъ Лекурба болѣе по выразительнымъ чертамъ лица, нежели по звѣздѣ, которою онъ былъ украшенъ. Выслушавъ меня, онъ возвратился въ Бефоръ.

Мало по малу показывались горы, окружающія Базель. Онѣ, думалъ я, лежатъ въ счастливыхъ странахъ Швейцаріи, гдѣ обитаютъ просвѣщеніе и промышленость! Въ сію минуту небо выяснилось, солнце проглянуло изъ-за тучъ, которыя скрывали оное въ теченіе всего дня, и я увидѣлъ прекрасную долину, орошаемую величественнымъ Рейномъ. Ни одна рѣка не была столь много воспѣта Стихотворцами, какъ Рейнъ. Кто,

проведя нѣсколько времени на берегахъ его, не вспомнишь съ восхищеніемъ о картинныхъ ландшафтахъ, о добродушныхъ жителяхъ Германіи, о цѣлительномъ винѣ и о зеленыхъ рюмкахъ, при звукѣ которыхъ молодые люди пьютъ здоровье своихъ любезныхъ, славятъ независимость, и клянутся въ вѣчной дружбѣ! По приближеніи къ Базелю, деревни становятся чаще и богатѣе; Французское нарѣчіе непримѣтно исчезаетъ. Нѣмецкіе крестьяне смотрятъ съ любопытствомъ на проѣзжающаго, кланяются ему привѣтливо, и отъ чистаго сердца желаютъ ему благополучнаго странствованія, а Французскіе поселяне, напротивъ того, въ большихъ шляпахъ, въ синихъ рубахахъ и съ толстыми косами глядятъ на путешественника съ грознымъ и непріязненнымъ видомъ.

Въ четыре часа я пріѣхалъ въ Базель; народъ и войска ожидали Государя, и приняли Его съ восторгомъ. Городъ былъ иллюминованъ; передъ нашимъ домомъ горѣла слѣдующая надпись на Нѣмецкомъ языкѣ: »Да будетъ благословеніе Всевышняго на знаменитомъ Императорѣ Александрѣ, Который смѣло началъ первый войну за Европу.« — По пріѣздѣ, мы

надѣли фраки. До глубокой ночи народъ наполнялъ улицы; я вмѣшивался въ полпы его, и слышалъ общій голосъ, что жители почитаютъ день сей однимъ изъ радостнѣйшихъ. Раздѣляя съ ними чувспво сіе, я вспомнилъ, какъ 1го Генваря 1814 года наша армія переходила въ первый разъ Рейнъ при Базелѣ. По освобожденіи Германіи и по прекращеніи переговоровъ, начатыхъ во Франкфуртѣ, положено было вступить во Францію. Никогда знамена наши не бывали такъ далеко отъ границъ нашихъ, и никогда не готовились мы на столь важное предпріятіе, потому что Рейнъ и крѣпости, лежащія какъ на рѣкѣ сей, такъ и вблизи отъ оной, почитались со временъ Лудовика XIV непреодолимою обороною Франціи. Вся Европа полагала, что война въ нѣдрахъ сей Державы должна быть сопряжена съ неимовѣрными трудностями; думали, что народъ Французскій, пріобыкшій къ кровопролитію и исполненный воинскаго духа, будетъ защищать упорно каждый шагъ земли своей. Не взирая на сіи уваженія, мы шли впередъ, чтобы нанести послѣдній ударъ тому, кто дерзнулъ нарушить спокойствіе нашего отечества: счастіе увѣнчало отваж-

ное предпріятіе, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ менѣе нежели за два года густые ряды нашихъ войскъ, при радостныхъ восклицаніяхъ ура! водружали на лѣвомъ берегу Рейна Русскія знамена, я спокоенъ мирнымъ гражданиномъ, и смотрѣлъ на быстрыя волны рѣки, доколѣ не угасли огни, зажженные для празднованія прибытія Государя.

27 Сентября, рано поутру, мы выѣхали изъ Базеля въ Цирихъ. Густой туманъ носился въ воздухѣ, но въ скоромъ времени разсѣялся, и я увидѣлъ множество деревень, виноградныхъ садовъ и тучныя стада, пасшіяся на богатыхъ лугахъ. Съ каждымъ шагомъ виды становились красивѣе; мы проѣхали чрезъ два города, Рейнфельденъ и Брукъ, и миновавъ сей послѣдній, поднялись на высокую гору, на которой посажены четыре липы. Отсюда открылась цѣпь снѣжныхъ горъ, тамъ Гриндельвальдъ, Шпаубахъ, Шрекгорнъ, Гасли, Луцерское озеро, гдѣ сооружена часовня Телю, а тамъ далѣе мечтались мнѣ крутизны Сенъ-Готарда. О мѣста незабвенныя, гдѣ протекло нѣсколько счастливыхъ недѣль моей молодости, гдѣ первые лучи солнца я встрѣчалъ на горахъ, коихъ верши-

ны возвышаются выше облаковъ, гдѣ цѣлые дни проводилъ при шумѣ водопадовъ, посреди цвѣтущихъ долинъ, въ дремучихъ лѣсахъ, на краю ужасныхъ пропастей, и отдыхалъ въ шалашахъ Альпійскихъ пастуховъ! Тамъ отечество невинныхъ, простыхъ нравовъ, и древніе обычаи праотцевъ почитаются съ набожностію. Погруженный въ сихъ мечтахъ, я проѣхалъ мимо развалинъ Габсбургскаго замка, гдѣ Домъ Австрійскихъ Императоровъ воспріялъ свое начало; но что мнѣ до славы ихъ? Я былъ съ природою, и въ саду ея!—Вскорѣ представилась намъ рѣка Аара, извивавшаяся по долинѣ, по которой мы ѣхали часа три, а потомъ мы приблизились къ живописнымъ берегамъ Лиманы. Какіе сады! какія горы! а на нихъ непрерываемая цѣпь красивыхъ домиковъ, простирающаяся на нѣсколько верстъ, гдѣ обитаетъ довольство и увѣренность, что собственность свято чтима. Государь нѣсколько разъ останавливалъ свою коляску, гулялъ пѣшкомъ и заходилъ въ крестьянскіе домы.

Въ шестомъ часу я пріѣхалъ въ Цирихъ, и остановился въ трактирѣ Меча, у извѣстнаго всей Европѣ Петера. Изъ оконъ моей горницы видно Цирихское

озеро, окруженное богатѣйшими селеніями. Долго смотрѣлъ я на него: вершины Альповъ начинали алѣть отъ заходящаго солнца; новый мѣсяцъ показывался на небѣ, но вдругъ барабанный бой и радостные крики народа возвѣстили прибытіе Государя. Нашъ домъ наполнился первыми чиновниками Республики, которые представлялись Его Величеству; а потомъ мы поѣхали на городской балъ, на которомъ находился между прочими Русскій Посланникъ; это явленіе было новое, ибо прежде Вѣнскаго Конгреса, Россія не содержала при Гельветическомъ Союзѣ своего Посольства; учрежденіе онаго было однимъ изъ доказательствъ распространенія политическаго вліянія ея на дѣла Европы. Швейцарскія женщины, славящіяся своими добродѣтелями, были на балѣ не совсѣмъ ловки: живя въ тѣсномъ кругѣ своихъ семействъ, онѣ не привыкли къ многолюднымъ собраніямъ; любопытство ихъ было сильно возбуждено присутствіемъ Государя, ибо республиканкамъ симъ очень рѣдко случается видѣть Монарховъ.

28 Сентября поутру Государь посѣщалъ мѣсто, гдѣ покоится прахъ Геснера, а мнѣ велѣно было ѣхать впередъ въ

Констанцъ. Поднимаясь на гору, лежащую близъ Цириха, я смотрѣлъ долго съ восхищеніемъ на Цирихское озеро и на тысячи излучистыхъ тропинокъ, извивающихся около селеній. Проведя нѣсколько лѣтъ въ разсѣянности воинской жизни и посреди царскихъ дворцевъ, я полагалъ, что я уже отжилъ для красотъ природы, что быстрая рѣка, что восходящее солнце, что ясное небо, что пѣніе птицъ въ дремучемъ лѣсу не принесутъ мнѣ болѣе, какъ во дни юности, истиннаго наслажденія; но взглядъ на Лиманту и на Альпы пробудилъ усыпленныя чувства, и грудь заволновалась, какъ прежде. Тѣ драгоцѣнныя минуты удовольствія, за которыя мы обязаны единственно созерцанію изящныхъ картинъ природы, ни съ чѣмъ сравниться не могутъ.

Швейцарская граница кончится, и Баденская начинается близъ самаго Констанца, города старинаго, слишкомъ обширнаго по соразмѣрности съ числомъ жителей. Я взошелъ на колокольню Соборной церкви, откуда увидѣлъ на нѣсколько верстъ теченіе Рейна, все пространство Боденскаго озера, около котораго множество городовъ и деревень уставлены, такъ сказать, одни возлѣ другихъ, и цѣпь

Альпійскихъ горъ, съ которыми я прощался, можетъ быть, навсегда. Послѣ того я остановился на берегу озера, и нѣсколько минутъ смотрѣлъ, какъ мелькали паруса и рыбачьи лодки разсѣкали тихія волны. По положенію моему, я только украдкою могъ наслаждаться природою. Государь, по пріѣздѣ въ Констанцъ, отправился на островъ Мейнау, лежащій отъ города верстахъ въ трехъ, а я пошелъ въ свою комнату, и перечитывалъ маршрутъ по Швейцаріи, писанный рукою Лагарпа. Ежели этотъ листъ бумаги, думалъ я, не затеряется, то потомство приметъ его съ такими же чувствами, съ какими бы мы смотрѣли теперь на описаніе путешествія, составленнаго Аристотелемъ для Александра Македонскаго. Лагарпъ предлагалъ ѣхать изъ Дижона въ Женеву, потомъ въ Лозанну, а оттуда въ Бернъ и Арау, коего Кантонъ обязанъ Государю своимъ политическимъ существованіемъ; но сіе предположеніе не состоялось по нѣкоторымъ причинамъ.

29 *Сентября.* Мы сегодня ѣхали весь день около Констанцскаго озера чрезъ Губъ, Рорпахъ, Рейнекъ и Брегенцъ, и прибыли въ Линдау. На дорогѣ насъ встрѣтили

воспитанники одного училища, одѣтые въ мундиры; посреди ихъ поставленъ былъ на возвышеніи портретъ Государя, къ которому вели нѣсколько ступеней, усѣянныхъ, такъ сказать, маленькими дѣвушками, цвѣтущими какъ розы, изъ коихъ каждая указывала на изображеніе Императора. Мѣстоположенія около озера прекрасны, но пашни не такъ хорошо обработаны, какъ въ окрестностяхъ Цириха; селенія бѣдны и народъ не столь опрятенъ, чему причиною Католическая религія. Недалеко отъ Рейнека мы переправились чрезъ Рейнъ и очутились въ Тиролѣ, посреди горъ, называемыхъ Форарлбергъ; нарѣчіе и одежда жителей совсѣмъ другія, нежели въ Швейцаріи, и я смотрѣлъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ на Тирольцевъ, воспріявшихъ съ свободою отъ предковъ нравы свои и обычаи, которые они умѣли сохранить и защитить въ бурное для отечества ихъ время. Здѣсь-то надобно слышать повторяемыя эхомъ высокихъ горъ Тирольскія пѣсни, при звукѣ которыхъ раждается у Тирольцевъ тоска по отчизнѣ, въ какую бы удаленную страну они ни были занесены судьбою. И на меня нашла невольная грусть при мысли, что я съ

каждымъ шагомъ приближаюся къ сѣверу и, вѣроятно, навсегда оставлю южную часть Европы, гдѣ прелести природы встрѣчаются чаще, деревья зеленѣе, цвѣты ароматнѣе, воображеніе живелей плодовитѣе, разговоръ ихъ острѣе.

ГЛАВА XI.

Дорога изъ Линдау. — Приключеніе въ Ниренбергѣ. — Австрійскіе чиновники. — Угощенія. — Празднованіе Лейпцигскаго сраженія. — Замокъ Петерсвальде. — Дорога до Берлина. — Пребываніе въ сей столицѣ. — Калишъ. — Воспоминаніе о Князѣ Смоленскомъ.

Наше путешествіе по Швейцаріи окончилось въ Линдау, гдѣ я получилъ приказаніе ѣхать не останавливаясь чрезъ Ульмъ и Ниренбергъ въ Богемію, до мѣстечка Черговицъ, находящагося за нѣсколько станцій отъ Праги, и ожидать тамъ прибытія Его Величества. Скоростъ, съ которою мнѣ надлежало слѣдовать чрезъ изрядную часть Германіи, не позволяла мнѣ дѣлать наблюденій и вступать въ разговоры не токмо съ жителями, но даже съ чиновниками, высланными намъ повсюду на встрѣчу, тѣмъ болѣе, что они на разные мои вопросы

о мѣстностяхъ и тому подобномъ, старались отдѣлываться отъ меня весьма короткими отвѣтами, и сами предлагали мнѣ тысячу вопросовъ о Государѣ. Я принужденъ былъ довольствоваться тѣмъ, что смотрѣлъ, какъ мимо меня мелькали, такъ сказать, деревни, села и города. Въ Ульмѣ Король Виртембергскій ожидалъ лично Императора, а въ Нюренбергѣ случилось со мною слѣдующее забавное приключеніе. Такъ какъ я ѣхалъ въ придворной колескѣ, и на козлахъ сидѣлъ кучеръ въ придворной ливреѣ, то Нѣмцы, съ часу на часъ ожидавшіе Императора, приняли меня за Его Величество, и едва я подъѣхалъ къ городскимъ воротамъ, ударили во всѣ колокола, раздались пушечные выстрѣлы, громогласное ура, и тысячи народу, собравшагося на улицахъ, бѣжали за моею колескою. Разувѣрять въ ихъ заблужденіи словами было невозможно, потому что отъ ужаснаго шума не слыхать было моихъ рѣчей; я сначала махалъ руками, дѣлалъ разные знаки, но видя, что все было безуспѣшно, долженъ былъ молчать, и въ семъ тріумфѣ меня довезли до дома, назначеннаго для Государя, гдѣ меня важно вышли встрѣчать Министры, присланные

отъ Баварскаго Короля и городскіе чиновники, которымъ я на-скоро объяснивъ о происшедшемъ недоумѣніи, поспѣшилъ скрыться отъ рукоплесканій и кликовъ народныхъ.

Природа ежедневно измѣнялась: я любовался ея красотами еще за три дня; а теперь видны были повсюду пески, глубокіе еловые лѣса, и—вмѣсто богатыхъ Швейцарскихъ поселянъ, бѣдность, которая становилась примѣтнѣе, по мѣрѣ какъ я приближался къ городу Черновицу. Государь пріѣхалъ туда 3го Октября, и перемѣня лошадей, отправился въ помѣстье Князя Шварценберга, Ворликъ, а мнѣ сказано ѣхать въ Прагу, и ожидать тамъ дальнѣйшихъ предписаній. Давно не радовался я ни одному приказанію столько, какъ сему; ибо въ первый разъ въ теченіе принадцати мѣсяцевъ, въ которые ни одна минута не принадлежала собственно мнѣ, сдѣлался совершенно свободнымъ и могъ по произволу располагать нѣсколькими днями. Въ полночь я отправился въ путь, и не могъ сомкнуть глазъ, не взирая на усталость: меня восхищало чувство кратковременной моей независимости. По прибытіи въ Прагу, я надѣлъ фракъ, и пошелъ пѣшкомъ на

островъ, называемый маленькою Венеціею. Туманъ покрывалъ прекрасные берега Молдавы; народъ показывался изрѣдка по улицамъ, и колокольный звонъ только что начиналъ созывать къ богослуженію. Я гулялъ по острову, на которомъ уже за семь лѣтъ проводилъ пріятнѣйшіе вечера, гдѣ на осьмнадцатомъ году отъ роду, будучи странникомъ на сей землѣ, стоялъ у берега въ задумчивости; смотря на заходящее солнце, думалъ о будущемъ своемъ назначеніи въ жизни, и возвращался въ уединенное свое жилище. Я не зналъ, что фортуна мнѣ улыбнется, и что судьба опредѣлитъ мнѣ въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ посѣтить снова тѣ мѣста, гдѣ я бывалъ прежде, ни кѣмъ незнаемый.

Не успѣлъ я прійти съ гулянья, какъ начали ко мнѣ съѣзжаться съ посѣщеніями и предложили мнѣ комнаты, приготовленныя для меня во дворцѣ. Послѣ сего я былъ у Главнокомандующаго Фельдмаршала, Графа Коловрата, который отъ старости едва могъ говорить; въ помощь данъ ему извѣстный Генералъ Графъ Кленау, который осыпалъ меня учтивостями. »Были ли вы у гражданскихъ чи-

»новиковъ,« спросилъ онъ меня — »чтобы »условиться съ ними о днѣ пріѣзда Госу»даря и о пребываніи Его Величества въ »Прагѣ?« — Нѣтъ — отвѣчалъ я, — и по этимъ предметамъ хотѣлъ съ вами переговорить. — »Я съ моей стороны все »сдѣлалъ,« отвѣчалъ онъ: »но васъ убѣ»дительно прошу, побывать у сихъ гос»подъ. Какъ военный, скажу вамъ откро»венно, что это имъ и самому мнѣ бу»детъ очень пріятно.« Сіи слова Генерала удостовѣрили меня, что въ Австріи военныя власти подчинены въ мирное время гражданскимъ. Окончивъ посѣщенія, поспѣшилъ я во дворецъ, чтобы насладиться однимъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ, какіе мнѣ извѣстны. День былъ отмѣнно ясный, и городъ, окрестности его, рѣка Молдава, горы, лѣса и загородные домы представились мнѣ въ новой красотѣ. Я обѣдалъ у Генерала Кленау со многими Австрійскими офицерами, которые хотя разумно разсуждаютъ, но въ обращеніи неловки. Всѣ прелести молодой дочери Графа не могли развеселить ихъ. За обѣдомъ былъ Адъютантъ Блюхера, Штранцъ, съ которымъ я коротко познакомился. — Союзъ между двумя народами не былъ никогда столь тѣсенъ, какъ

между Россіею и Пруссіею, и когда офицеры сихъ двухъ Державъ гдѣ нибудь встрѣтятся, то почитаютъ другъ друга совершенно за своихъ.

Я не могу довольно нахвалиться ласковымъ пріемомъ Прагскихъ вельможъ и заботливостію различныхъ мѣстныхъ начальствъ, съ которою они дѣлали всякаго рода приготовленія для пребыванія Его Величества, въ надеждѣ, что Государь изволитъ остановиться на нѣсколько дней въ Прагѣ. Живши въ семъ городѣ пять дней, я былъ безпрестанно приглашаемъ на обѣды, на вечера и въ театръ. Обращеніе дворянства такое же, какъ и въ прочихъ столицахъ; только жаль, что поваренное искусство не сдѣлало у нихъ успѣховъ: подражая во многомъ Французамъ, почему не брать также примѣра съ Робера, Бовилье и Вери, которые до сихъ поръ не имѣютъ себѣ равныхъ въ Европѣ?

Черезъ три дня я получилъ приказаніе ѣхать впередъ, чрезъ Кениггрецъ, Находъ и Глацъ, въ Силезію, въ замокъ Пепперсвальде, близъ Рейхенбаха, гдѣ мы жили нѣсколько мѣсяцевъ во время перемирія въ 1813 году. Я снова былъ свидѣтелемъ бѣдности и непросвѣщенія Богемскихъ жителей. Какая перемѣна въ

Силезіи! Сіи двѣ земли отдѣляются только Исполинскими горами; но, переѣхавъ хребетъ оныхъ, кажется, вступаешь въ новый свѣтъ. Языкъ, народъ, климатъ, образъ жизни. — все другое; земля плодороднѣе, пашни тучнѣе, луга зеленѣе, обыватели веселѣе и не боятся проѣзжающихъ, зная, что законы ихъ защищаютъ. — 6го Октября праздновали день Лейпцигскаго сраженія отмѣннымъ образомъ, принятымъ во всей Германіи. Лишь только вечеръ настадъ, какъ на вершинахъ холмовъ и горъ зажгли костры, нарочно для сего приготовленные, которые горѣли въ продолженіе всей ночи. Такимъ образомъ огонь, знаменующій время освобожденія Германіи, пылалъ отъ Трієста до Гамбурга, и отъ Вислы до Рейна.

Вечеромъ я пріѣхалъ въ замокъ Петерсвальде, принадлежащій брату славнаго Стихотворца, Графа Стольберга, изъ оконъ котораго открываются прелестные виды на плодоносныя поля Силезіи. Я не могъ безъ особеннаго удовольствія смотрѣть на башни Рейхенбаха, гдѣ за два года предъ симъ мы жили во время перемирія, и на высокіе утесы Фиршпенштейна, гдѣ, посреди развалинъ

древняго зданія, я забывалъ въ пріятныхъ прогулкахъ кровопролитную войну, которая тогда предстояла. Но замокъ Пеперсвальде, въ которомъ я находился, историческими воспоминаніями разсѣялъ мои мечты; въ ономъ въ 1813 году заключены Союзные договоры съ Австріею и Баваріею противъ Франціи, и положено основаніе успѣхамъ нашимъ, одержанным въ послѣдствіи; а посему замокъ сей сдѣлался для Германіи тѣмъ, чѣмъ Лапшевка для Россіи — колыбелію ея свободы.

8 Октября мы выѣхали изъ Пеперсвальда въ Берлинъ. Въ шріумфальныхъ воротахъ не было недостатка, ибо въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ поставлено было по нѣскольку таковыхъ воротъ, сдѣланныхъ изъ ельника съ различными надписями и вензелями Государя, а ближе къ Берлину являлись въ селеніяхъ множество дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ, которыя сыпали цвѣты при проѣздѣ Императора. Въ разсужденіи гостепріимства я ошибся, ибо полагалъ, что жищели всѣхъ состояній и лѣтъ поспѣшатъ къ намъ на встрѣчу, что пиры и празднества будутъ по всей дорогѣ; на-

прошивъ того, почти всюду я долженъ былъ платишь за купанье и напитки. »Генералы Іоркъ и Гюнербейнъ,« сказалъ мнѣ одинъ Прусскій офицеръ, »встрѣтятъ »васъ на границѣ, и будутъ сопровождать »до Кроссена, гдѣ Генералъ Браушицъ ихъ »смѣнитъ. Мы не помнимъ еще такого »пріема.« — Но я былъ вскорѣ упѣшенъ однимъ Прусакомъ, которой въ полной мѣрѣ чувствуетъ, что́ Россія сдѣлала для его отечества. Мы расположились для ночлега въ городкѣ Минхсбергѣ; хозяинъ дома, въ которомъ отвели мнѣ квартиру, истощивъ всѣ средства угощенія, предложилъ наконецъ остановить ходъ стѣнныхъ часовъ, дабы стукъ оныхъ не безпокоилъ меня во время сна моего. Въ Кроссенѣ полагали, что Государь остановится тамъ для ночлега, и приготовленъ былъ для Его Величества тотъ самый домъ и тѣ комнаты, въ которыхъ живалъ Фридрихъ Второй, и та самая кровать, на которой спалъ сей единственный Монархъ.

Около обѣда мы въѣхали въ Берлинъ. На послѣдней станціи отказали мнѣ въ почтовыхъ лошадяхъ, а впрягли дурныхъ обывательскихъ. Необозримое множество жителей столицы вышли на встрѣчу

Государю, бывшему въ Прусскомъ мундирѣ. Король встрѣтилъ Высокаго Посѣтителя своего въ Фридрихсфельдѣ, и оба Монарха отправилися въ открытой колискѣ въ Берлинъ, гдѣ по улицамъ разставлены были войска, проходившія попомъ церемоніяльнымъ маршемъ.

Мы провели въ Берлинѣ около двухъ недѣль, въ теченіе которыхъ совершено обрученіе бывшаго тогда Великимъ Княземъ Императора Николая Павловича со Дщерію Короля. Здѣшній Дворъ не пышенъ; нѣтъ ни красавицъ, ни щеголей; всѣ подражаютъ Королю, которой ведетъ скромную жизнь; самыя богатыя семейства живутъ весьма расчетливо: нѣтъ домовъ открытыхъ для незванныхъ гостей. Память покойной Королевы всѣми чтима; придворные часто объ ней вспоминаютъ, говоря намъ, »если бы она »была жива, какъ бы вы у насъ повесе»лились!« Въ городѣ было пусто; жители жаловалися на разореніе войны, коея послѣдствія не совсѣмъ еще тогда изгладились. Въ девять часовъ вечера не видно было на улицахъ экипажей, тишина царствовала во всемъ городѣ, и ни что не напоминало, что вы находитесь въ столицѣ могущественнаго Государства. Въ

это время проходилъ чрезъ Берлинъ С. Петербургскій гренадерскій полкъ, коего Прусскій Король Шефомъ. Вступленіе его въ столицу было самое торжественное: Король въ Русскомъ мундирѣ, находясь передъ первымъ взводомъ, салютовалъ Государю; офицеры обѣдали во дворцѣ за Королевскимъ столомъ, а солдатъ угощала Прусская гвардія. Примѣчательнѣе всего, что нѣкоторые караулы были заняты Русскими солдатами сего полка.

27 Октября мы выѣхали изъ Берлина чрезъ Франкфуртъ въ Калишъ. Грустно было мнѣ разставаться съ Германіей, и слышать, какъ мало по малу исчезалъ Нѣмецкій языкъ, на которомъ я получилъ первыя понятія о прелестяхъ Наукъ. На другія сутки мы были уже въ предѣлахъ Россіи, и по пріѣздѣ въ Калишъ, я поспѣшилъ въ тотъ домъ, гдѣ жилъ въ 1813 году Князь Смоленскій; сердце мое билось, когда я шелъ по лѣстницѣ, на которой прежде встрѣчалъ именитѣйшихъ Генераловъ. Но сколь велико было мое негодованіе, когда стоявшій путъ Полякъ спросилъ меня, зачѣмъ я иду на верхъ, и узнавъ причину, сказалъ, что онъ и не слыхалъ о нашемъ героѣ. Я вошелъ въ комнату, гдѣ онъ обыкновенно

запимался дѣлами, гдѣ я его видѣлъ предсѣдавшаго при рѣшеніи участи вселенной, и гдѣ иногда удостоивалъ онъ меня своимъ разговоромъ. Мною овладѣло благоговѣніе сильнѣе того, которое я чувствовалъ въ гробницѣ Сципіона и въ памятникахъ Римской славы. Слабый свѣтъ одной свѣчи придавалъ мѣсту сему мрачный видъ, тѣмъ болѣе ощутительный, что въ эту минуту сдѣлался необыкновенный шумъ на улицахъ, возвѣстившій прибытіе Государя. Ударили въ колокола, раздались пушечные выстрѣли, и народъ громкими восклицаніями привѣтствовалъ новаго Царя своего. Я въ сіе время сталъ уединенъ, какъ будто одинъ во всемъ мірѣ, облокотясь на стулъ, гдѣ сиживалъ великій человѣкъ. Мнѣ явилася тѣнь его, и казалось, что духъ незабвеннаго парилъ надо мною. Я вспомнилъ, что на самомъ этомъ мѣстѣ я какъ будто предъугадалъ однажды близкую его кончину. За нѣсколько дней предъ выступленіемъ нашимъ изъ Калиша, подалъ я ему для подписанія бумагу; вмѣсто трехъ чертъ, коими онъ обыкновенно оканчивалъ подпись своего имени, сдѣлалъ онъ ихъ гораздо болѣе, и — смотря на нихъ, сказалъ мнѣ: »кажется, что я ошибся.« — Вы

написали двѣ литеры лишнихъ; — отвѣчалъ я, но я ихъ выскоблю. — »Нѣтъ,« прервалъ онъ: »я эту бумагу самъ уни»чтожу; а ты вели мнѣ приготовить »другую, потому что Богъ знаетъ, что »обо мнѣ подумаютъ.« Какое-то предчувствіе сказало мнѣ, что мы скоро его лишимся, и черезъ двѣ недѣли не стало того, для котораго потомство будетъ справедливѣе современниковъ.

Переночевавъ въ Калишѣ, отправились мы на другой день въ Варшаву.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Отъѣздъ изъ Вѣны. — Прибытіе въ Минхенъ. — Баварскій Дворъ. — Пріѣздъ въ Спуттгардъ. — Лудвигсбургъ. — Гейльброннъ. — Пріѣздъ въ Гейдельбергъ . . . 1

— II. Пребываніе въ Гейдельбергѣ. — Загородный домъ Государя. — Военныя совѣщанія. — Побѣда при Ватерло. — Пріѣздъ Великихъ Князей. — Выступленіе . . . 13

— III. Мангеймъ. — Шпейеръ. — Парижскія новости. — Депутаты Временнаго Правительства. — Обращеніе съ Французами. — Партизаны. — Нанси 21

— IV. Состояніе Франціи. — Отъѣздъ изъ Главной квартиры. — Дорога до Шалона. — Дорога до Мо. — Въѣздъ въ Парижъ. — Свиданіе Государя съ Лудовикомъ XVIII. — Дворецъ Элизе-Бурбонъ. — Замѣчаніе о вторичномъ въѣздѣ Государя въ Парижъ 36

— V. Расположеніе Парижанъ. — Графъ Сегюръ. — Аудіенція разныхъ лицъ. — Генералъ Сарразенъ. — Переговоры. — Смотръ Англійскихъ войскъ. — Живописецъ Жераръ 45

— VI. Состояніе Парижа. — Вѣтреность Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военные. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лабедоеромъ. — Черпь Парижская. — Бурбоны. — Герцогиня Орлеанская. — Тюльерійскій дворецъ 56

— VII. Смотръ при Вертю 26 Августа. — Вторый смотръ 29 Августа. — Обѣдня въ лагерѣ. — Иностранцы, находившіеся въ Вертю. — Объденный столъ для Русскихъ 70

— VIII. Виды смотровъ Вертю. — Анекдотъ о Наполеонѣ. — Возвращеніе въ Парижъ. —

Стр.

Окончаніе похода 1815 года. — Параллель между Александромъ и Наполеономъ. 85

Глава IX. Приготовленія къ отъѣзду. — Выѣздъ изъ Парижа. — Перонъ. — Камбре и Валансіенъ. — Генералъ Фуль. — Брюссельскій Дворъ. — Поле Ваперлоскаго сраженія. — Дорога изъ Брюсселя въ Дижонъ 93

— X. Отъѣздъ изъ Дижона. — Люръ. — Базель. — Цирихъ. — Констанцъ. — Линдау . 102

— XI. Дорога изъ Линдау. — Приключеніе въ Нюренбергѣ. — Прага. — Австрійскіе чиновники. — Угощенія — Празднованіе Лейпцигскаго сраженія. — Замокъ Пешерсвальде. — Дорога до Берлина. — Пребываніе въ сей столицѣ. — Калишъ. — Воспоминаніе о Князѣ Смоленскомъ . . 113

2007043607